

Мария-Антуанетта. Нежная жестокость

Автор:

[Наталья Павлищева](#)

Мария-Антуанетта. Нежная жестокость

Наталья Павловна Павлищева

Великолепные любовные истории

В день рождения Марии-Антуанетты придворный астролог предсказал ей смерть на эшафоте, если только принцессу не выдадут замуж в Россию или Китай... Пророчество сбылось 37 лет спустя – несчастная королева Франции легла под нож гильотины. Последние ее слова были обращены к палачу Сансону, которому она случайно наступила на ногу: «Простите меня, мсье, я не нарочно»...

Хотя с тех пор прошло уже больше двух веков, судьба Марии-Антуанетты никого не оставляет равнодушным – ее либо обожают, либо ненавидят, либо сокрушаются о невинной жертве террора, либо проклинают интриганку, которая довела Францию до революции; ей так и не простили скандального заявления: «Если у народа нет хлеба, пусть едят пирожные» – и до сих пор судачат об интимных подробностях семейной жизни (не секрет, что ее муж Людовик XVI много лет страдал фимозом и не мог исполнять супружеский долг). Так кого казнили «именем народа» на площади Революции – исчадь ада в женском обличье или несчастную запутавшуюся женщину, ставшую жертвой беспощадной эпохи?..

Наталья Павлищева

Мария-Антуанетта. Нежная жестокость

Детство

«Чтобы быть королем, надо учиться быть королем», – сказала когда-то Мария-Антуанетта брату.

Ее не учили быть правящей королевой, и она никогда не хотела быть таковой. Она хотела быть матерью и женой, хотела блистать в свете и заниматься обустройством своего Трианона и благотворительностью.

Мария-Антуанетта была бы прекрасной королевой. При другом короле. В другой стране. И в другое время.

Но ей пришлось править во Франции в самый трудный для монархии период – Великой Французской революции. И мужем ее был нерешительный, слабый, хотя и добрый Людовик. Поэтому судьба королевы сложилась так несчастливо...

– Мари, нет, нет, Вы не можете так поступать с собой! Работать в ожидании уже начавшихся родов... Мари, прошу Вас...

Мария-Терезия только глазами сверкнула на супруга. Император Франц Стефан, конечно, горячо любимый муж, но все же хозяйка в стране и в собственной жизни – она, и только она! Ей нужно подписать еще несколько бумаг, но императрица ничего не делала наспех и к бумагам, на которых ставила свою подпись, относилась очень внимательно. И все же когда схватки стали очень частыми, она со вздохом отправилась в постель рожать своего пятнадцатого ребенка.

Мария-Терезия Австрийская была совершенно замечательной женщиной во всех отношениях. Ей посчастливилось выйти замуж по любви, которая с годами, несмотря на многочисленные, а иногда и весьма чувствительные альковные грешки супруга, только крепла. Императрица с легкостью рожала одного ребенка за другим, и лишь двое умерли в младенчестве и одна родилась мертвой, да одна – старшая Мария-Анна – стала калекой. И останавливаться на пятнадцатом ребенке Мария-Терезия не собиралась, тем более все дети как на подбор получались красивыми и умными.

Но это было не главным достоинством императрицы. После смерти единственного сына, императора Великой Римской империи Карла VI, она стала наследницей династии Габсбургов. И какой наследницей! Когда в октябре 1740 года внезапно умер последний мужчина из королевского рода Габсбургов император Карл VI, первый министр Людовика XV кардинал де Флери с удовольствием констатировал: «Габсбургов больше нет». И ошибся, потому что двадцатитрехлетняя Мария-Терезия взяла власть в свои руки так, словно всю жизнь к этому готовилась и много не мыслила! Взяла и крепко держала долгие годы, будучи правительницей огромной империи при довольно покладистом муже Франце Стефане. Она всех подданных считала также своими детьми, причем иногда уделяла им куда больше внимания, чем детям, рожденным ею же.

Мария-Терезия после первого же ребенка категорически отказалась допускать в спальню на время родов толпу любопытствующих придворных.

– Франц, вполне достаточно того, что они видели рождение наследника, о подмене остальных детей могут не беспокоиться!

Придворным ничего не оставалось, кроме как ожидать очередного сообщения о счастливом разрешении императрицы от бремени.

Поэтому 2 ноября 1755 года в королевских покоях Хофбургского дворца Вены посторонних не было. В половине девятого вечера Ее Величество счастливо родила девочку, маленькую, но крепенькую, одиннадцатую дочь из пятнадцати детей.

Осмотревшие новорожденную эрцгерцогиню повитухи и лекари пришли к выводу, что дитя совершенно здорово и никаких опасений не вызывает. Сама кроха тарщила на взрослых свои голубые глазки и сладко причмокивала губками, намекая на необходимость восстановить потраченные при рождении силы. Дитя еще раз показали матери с отцом и передали кормилице – жене судьи, Констанции Вебер.

На этом обязанности Марии-Терезии по вынашиванию и рождению дочери были исчерпаны. После благодарственной молитвы она с чувством поцеловала пришедшего поздравить мужа и знаком попросила, чтобы тот подал ей

оставшиеся лежать на столе бумаги и перо. А император Франц Стефан, выполнив просьбу супруги, отправился сообщать придворным о пополнении семейства. Ни роженицу, ни ребенка им не показали, Мария-Терезия считала, что в этом нет никакой необходимости.

Да и день к этому не располагал. Крошечная эрцгерцогиня, которая на следующий день при крещении получила имя Мария-Антония Жозефа Жанна, выбрала не слишком удачный день для своего появления на свет, может, в этом тоже было предопределение ее страшной судьбы? Второе ноября – День всех святых, то есть поминовения мертвых, когда полагалось быть в черных траурных одеждах и торжественно поминать усопших. Именно поэтому в детские годы день рождения Марии-Антуанетты отмечали на день раньше.

В семье она получила имя Антуан, для придворных – мадам Антуан, кроху называли «мадам», потому как была дочерью императрицы.

Но это оказались не все неблагоприятные знаки при рождении девочки. Ее крестными родителями должны были стать португальские король и королева, но как раз 2 ноября в Лиссабоне произошло страшное землетрясение, погубившее много жизней, и королевская чета, конечно, не приехала.

Придворный астролог тянул с составлением гороскопа для новорожденной эрцгерцогини, поэтому он не был сразу опубликован, а потом несколько забылось из-за других дел. Но и позже родители предпочли ничего не обнародовать.

Пожилой человек почти трясущимися руками протянул Марии-Терезии лист, на котором круг был весь исчерчен линиями и испещрен неведомыми знаками:

– Вот, Ваше Величество...

Императрица взяла в руки предложенное и потрянула листом перед лицом астролога:

– Ну и что? Что я в этом могу понять?

- Это гороскоп новорожденной эрцгерцогини.... Он... как бы сказать...

- Говорите как есть.

- Он не слишком хорош, даже очень нехорош...

- Чем? - женщину, которая уже пятнадцать лет правила огромной страной и родила столько детей, гороскоп пятнадцатого ребенка мог и не испугать.

- Дело в том, что в ее гороскопе планета Кастор...

- Вы полагаете, что я разбираюсь в планетах и созвездиях так же, как вы? Говорите яснее.

- У эрцгерцогини плохой гороскоп, чтобы он не сбился полностью, за ней нужно все время следить, образовывать, но, главное, выдать замуж куда-нибудь как можно дальше от Вены и за человека не ее круга. Иначе...

- Что иначе?

- Иначе ей грозит отсечение головы...

- Что?!

- Так говорят звезды, - развел руками астролог.

Мария-Терезия задумалась всего на мгновение, потом кивнула:

- Я учту это. Гороскоп никому не показывать и ничего о нем не говорить, девочке - тем более.

То ли жизнь так сложилась, то ли не до конца поверила, но не учла, и обучали Антуанетту не так, как надо бы, и не воспитывали, и замуж выдали именно так, как нельзя было делать: за наследника французского престола - дофина Людовика Августа, ставшего королем Людовиком XVI, а сама Мария-Антуанетта - королевой. Чем все закончилось - хорошо известно, обоим с разницей в полгода

отрубили головы. Кто утверждает, что за дело, кто-то жалеет невинно казненную королеву, но свершившегося не вернуть...

Но тогда до этого было еще очень далеко, кормилица Констанция Вебер тетехала голубоглазую малышку даже больше собственного сына, трехмесячного Йозефа. Пятнадцатый ребенок императрицы Марии-Терезии и императора Франца Стефана вступал в жизнь. И никто не подозревал, сколько же самых разных событий произойдет в этой жизни, сколько раз судьба будет делать крутые виражи, чтобы подстроить несчастное замужество Марии-Антуонии Жозефы Жанны с дофином Людовиком Августом в блистательном и страшном Париже.

В Лаксенберге готовились к празднику – именинам святого Франциска, именинам императора Франца Стефана. Большая императорская семья праздновала весело и шумно, разные поколения детей активно участвовали в готовившемся представлении. Но разница между старшими и младшими так велика (между старшей и младшей дочерьми семнадцать лет), что малышей просто отодвинули, особенно – самую маленькую Антуан, которой не было и четырех.

Девочка разревелась в голос:

– Я-а... тоже хочу-у...

– Иди вон посмотри белок в зоосаде, – посоветовала семнадцатилетняя Кристина, которую дома звали Мими.

– Сама смотри своих белок, я их не люблю!

– Ну тогда верблюда.

– И верблюда не люблю! Я люблю собачек.

– Тогда иди к своим собачкам!

- И тебя не люблю! - объявила малышка Антуан старшей сестре.

Если честно, то Мими не любил никто, кроме матери, из-за ее доносительства и злого языка, который тут же проявился:

- Нужна мне твоя любовь, козявка! Возись со своими собачками и не лезь ко взрослым...

Малышку пожалел старший брат Иосиф, он был наследником и потому чувствовал себя ответственным за все семейство:

- Иди сюда. А что ты хочешь делать?

- Петь и танцевать.

- Антуан, ты знаешь какую-нибудь песенку?

- Знаю, - кивнула девочка.

- Какую?

Малышка вдруг чистым голосом запела... песенку из французского водевиля, причем очень точно, не перевирая, разве что путая слова.

- Откуда ты ее знаешь?! - ахнул взрослый брат.

- Слышала, как пела Мими.

Сама Кристина в это время старательно изучала импровизированную сцену, словно именно ей поручено ее устройство. Иосиф вдруг рассмеялся:

- А спой на празднике именно эту песню, пусть посмеются.

Антуан, которой не исполнилось и четырех, согласно кивнула. Это был ее первый театральный опыт, потом девочка еще не раз будет выступать в домашних спектаклях, в том числе и в балете, а когда сама станет дофиной и позже

королевой, будет много и часто играть на маленькой сцене и на всю жизнь полюбит и музыку, и театр.

Но посмотреть верблюда она после репетиций все же пошла вместе со своей сестрой Марией Каролиной, которую в семье звали Шарлоттой. Все женщины династии Габсбургов имели первым именем имя Девы, а второе различало их между собой. Шарлотта была старше Антуан на три года, и девочки очень дружили до самого замужества сначала одной, а потом другой.

Зоосад, о котором говорила Кристина-Мими, был создан императором Францем Стефаном, в нем жили, кроме верблюда и белок, еще бегемот, пума и несколько попугайчиков. Но Антуан и Шарлотта все равно больше любили своих маленьких собачек. Собачки будут сопровождать Антуанетту всю жизнь, кроме тюрьмы.

Детство будущей королевы Франции явно было счастливым. Большая семья, даже если кто-то кого-то и недолюбливал, места во дворцах было достаточно, чтобы в повседневной жизни почти не пересекаться, дружили «по возрастам», но сильнее всех две младшие дочери – Шарлотта и Антуан.

Императорская семья очень любила музыку, стараясь дать хорошее музыкальное образование и девочкам, и мальчикам, в частности, их учил композитор Глюк. Учили языкам, танцам и еще много чему. Только вот младшая, Антуан, была не слишком усидчивой, а потому не очень любила учебу. Эта черта осталась у нее на всю жизнь – королева Мария-Антуанетта слыла весьма легкомысленной, хотя и очень доброй особой, не способной править государством, заниматься делами или политикой, в отличие от своей матери, императрицы Марии-Терезии, настоящей хозяйки Австрии и настоящей императрицы Священной Римской империи.

Но где взять усидчивость, если ребенка в детстве к таковой не приучили? Добрая гувернантка, которую Шарлотта и Антуан называла Эрзи, предпочитала не утруждать малышку, чаще всего делая задания за нее сама. Всю жизнь королева Мария-Антуанетта писала как курица лапой, к тому же страшно медленно и с ошибками...

Зато она была очаровательным и очень послушным ребенком, очень старавшимся угодить матери и старшему брату. Доброму отцу не нужно было угождать, он мягкий и нетребовательный, сродни Эрзи. И привычка полностью

подчиняться и выполнять волю матери и брата сыграет с Марией-Антуанеттой злую шутку, сильно повлияв на ее судьбу.

Но это будет еще нескоро. А пока по дворцу в любимом Лаксенберге с визгом носились две девочки, играя со своими собачками, – эрцгерцогини Шарлотта и Антуан, у которых их счастье и несчастье было впереди.

Им бы поменяться судьбами прямо тогда, в Лаксенберге, тогда бы, если не мировая история, то история Франции могла бы быть совсем другой... Но что было – то было, прошлое – единственное, чего уже нельзя изменить.

В Вену приехал чудо-ребенок, как все называли маленького сына Леопольда Моцарта. У Леопольда было двое чудо-детей – сын и дочь, они обладали идеальным слухом и играли на нескольких инструментах лучше многих взрослых.

Матушке порекомендовали пригласить к себе это семейство, чтобы они устроили концерт. Она так и сделала, но на первом концерте я не была. Туда позвали только старших детей, мы с Шарлоттой остались в музыкальном классе заниматься своими делами. Как же было обидно слышать, что маленький Вольфганг действительно изумительно играл, импровизировал, а в заключение даже прыгнул на колени к матушке и поцеловал ее в щеку!

Мы с Шарлоттой переглянулись: он сделал то, что если и позволялось, то только в детстве и маленькой Мими. Кому еще из детей такое могло прийти в голову? Я уже почти ненавидела этого Моцарта. Наверное, матушка выгнала маленького нахала, запретив появляться на глаза? Шарлотта думала так же.

Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что не только не выгнала, но и пригласила еще раз выступить перед королевской семьей, включая теперь и нас. Наши учителя музыки – мсье Глюк, Вагензайль, мадам Марианна и Сесилия Дэвис, да все восхищались чудо-ребенком. Только мой учитель игры на арфе, Йозеф Гиннер, грустно вздохнул:

– Одно плохо – детство так быстро кончается...

– Что тут плохого, он станет взрослее и будет играть еще лучше!

– Ах, мадам, он станет взрослее и перестанет быть чудо-ребенком. Если его отец не позволит мальчику сочинять свою музыку, то к нему быстро потеряют интерес.

– А если позволит? – я спросила скорее из любопытства, чем из желания действительно подумать о судьбе гениального мальчика.

– Если позволит, то мир получит самого гениального композитора на все времена.

– Почему?

– То, что рождается в голове или скорее душе этого пока маленького человечка, идет от Бога и им же напеваётся. Пальцами маленького Моцарта озвучивается музыка Господа.

Йозеф Гиннер говорил столь торжественно и патетически, что нам до невозможности захотелось своими глазами посмотреть и своими ушами услышать мальчика, «поцелованного Господом». Идя нам навстречу, матушка и пригласила талантливых детей во второй раз, хотя я подозревала, что и в воспитательных целях тоже.

Нам демонстрировали, какими талантами обладают дети уже в моем возрасте. Я с обидой подумала, что если бы решила стать музыканткой, как эта девочка Анна Моцарт, то вряд ли матушка была бы рада. Почему-то чужим детям позволительно то, что никогда не позволят нам. Для нас, особенно младших, был один закон: повиноваться! Прежде всего родительской, а значит, матушкиной воле.

Если честно, то я почти недолюбливала маленьких Моцартов, потому что им разрешено то, чего ни за что не позволят нам с Шарлоттой. Но, увидев двоих детей, за каждым даже не шагом, а движением которых бдительно наблюдал отец, вдруг поняла, что им еще тяжелее, чем нам. А потом меня так увлекла игра маленького мальчика, который, казалось, жил музыкой, рождавшейся под его пальцами... Я видела, что ему хочется играть свое, то, что рвалось наружу изнутри, а заставляли исполнять разные произведения, привычные слуху

матушки и отца.

Я всегда очень любила музыку, но играла лучше на арфе, и все же легкость, с которой пальцы Вольфганга порхали по клавишам, потрясла. Матушка, видно, заметила произведенное на меня впечатление и пригласила талантливого мальчика поиграть лично для меня. В ответ на мой потрясенно-благодарный взгляд императрица даже рассмеялась, обернувшись к отцу:

– Видите, как немного нужно, чтобы сделать счастливой нашу дочь. Всего лишь попросить талантливого ребенка поиграть на клавесине.

Но мне было все равно. Через день мы с Шарлоттой слушали в исполнении талантливых детей Леопольда Моцарта одно произведение за другим. Я забыла свою зависть и недовольство Вольфгангом за то, что он позволил вольность по отношению к моей матери, казалось, такому мальчику можно простить все. Матушка права, что простила.

– Иосиф такой важный, как будто он уже император! – Шарлотта презрительно сморщилась. – Фи... Вон, смотри, идет. Сейчас придется его приветствовать не как брата, а как государственную персону.

Конечно, мы с Шарлоттой как самые младшие для взрослого Иосифа – мелочь, не достойная его августейшего внимания. Две девчонки, ничего особенного из себя не представляющие, последние дочери огромного семейства. Перед нами столько сестер, что, когда дойдет дело до нашего замужества, приличных женихов в Европе просто не останется! Если честно, то нас с Шарлоттой пока мало беспокоили вопросы будущего замужества. Куда важнее увильнуть от нудных занятий и вволю порезвиться со своими собаками, покататься на санях, потанцевать...

Иосиф приближался действительно важно, он на четырнадцать с половиной лет старше меня и на одиннадцать – Шарлотты. Ему уже девятнадцатый год, и он собирался жениться. Хотя «собирался» – громко сказано, точнее, его собирались женить на Изабелле Пармской. Недавно мы с Шарлоттой услышали, как он говорил Кауницу, что боится женитьбы куда больше, чем серьезного сражения. Я хихикнула: ну чего бояться женитьбы, разве только если родится вот так много детей, как у наших родителей, и за всеми будет нужен пригляд? Но нам с

сестрой такие страдания и опасения были недоступны. Казалось, чего проще – заведи себе достаточное количество гувернеров и гувернанток и строго спрашивай с них и с детей. Я заявила, что глупый Иосиф, наверное, боится, что жена не даст ему править, а будет делать это сама, как делает наша матушка. Шарлотта усомнилась, мол, матушка получила правление по наследству от дедушки, а Иосиф получит свою страну сам. Но мы долго не размышляли над этим вопросом, куда интересней возиться со щенками, чем со старшим братом, страшным воображалой и занудой.

Вообще, в нашей семье старшие и младшие дети жили словно отдельно, вернее, делились на три части. Старшими были Мария-Анна, Иосиф, Мария-Кристина, которую мы звали Мими и страшно не любили, и Элизабет. Амалия держалась чуть особняком, хотя по возрасту подходила этим старшим. К ней все время пытались примкнуть Иоганна и Йозефа. А я дружила с Каролиной, которую в семье звали Шарлоттой. И нам двоим было совершенно все равно, боится ли Иосиф жениться и за кого выдадут замуж красавицу Элизабет. Правда, мы дружно ненавидели Мими, но не мы одни, в семье не было человека, кто бы ее любил. Кроме матери, для которой Кристина была лучшей, она и еще дорогой Иосиф. Мими не любили из-за доносительства, стоило ей узнать или услышать что-то, и сестрица спешила сообщить матери на ушко. Шарлотта очень жалела, что мы не мальчики и не можем просто побить Кристину!

Но Иосиф приближался в окружении нескольких приятелей, и нам вовсе не хотелось, чтобы он поставил нас в положение бедных приживалок, вымаливающих внимание богатого дядюшки. В конце концов, его ли заслуга и наша ли вина в том, что он старший, а мы младшие? Разве это по-братски? Но деться было некуда и пришлось подхватить пальчиками юбки, чтобы присесть в реверансе.

У брата явно было настроение показать свою значимость по сравнению с нашей никчемностью, он повыше вскинул голову и уже на подходе стал смотреть на нас свысока. Мы уже ожидали насмешек его спутников, как вдруг я схитрила. Приседая в реверансе, чуть скосила глаза за спину Иосифа и довольно громко прошептала Шарлотте:

– Матушка!

Единственный человек, при котором братец, да и Мими тоже не могли себе позволить задирать носы, была императрица, ее даже старшие дети боялись,

как огня.

Иосиф заметно дернулся и поспешил мимо нас, не обращая внимания на недостаточную глубину реверанса и прочие упущения в поведении.

Когда у них уже были видны спины, Шарлотта удивленно спросила:

– Где матушка?

– Не знаю, наверное, у себя в кабинете.

– А зачем же ты сказала?

– А тебе очень хотелось выслушивать замечания?

Мы захихикали и бросились прочь подальше от братца и его компании, потому что те явно услышали наши перешептывания.

За дверью моей гостиной смеялись уже откровенно:

– Ну и пусть этого задаваку женят на какой-нибудь уродине!

– Ага, а она ему будет подолгу выговаривать за упущения в спальне.

Мы толком не знали, что должны делать супруги в спальне, все же мне было пять, а Шарлотте – восемь, но полагали, что лучшего места для супружеских выговоров не существует.

Нет, Иосифа женили не на уродине, Изабелла Пармская оказалась просто красавицей. Мы с сестрицей смотрели на эту красоту, широко раскрыв глаза.

– Ах, какая...

Впервые увидев Изабеллу, я весь вечер прокрутилась перед зеркалом, с тоской убеждаясь, что мне до нее немыслимо далеко! Супруга Иосифа была

темноволосой и темноглазой, у нее томное выражение лица, постоянная грусть, она нежная, как... как... я даже слов подобрать не могла, какая она нежная.

Разве с этакой красотой могло сравниться то, что я видела в зеркале? Нос, который выпирал вперед, пухлая нижняя губа, румянец во всю щеку... ну и где здесь томность или грусть?

- Что вы там целый час разглядываете, мадам эрцгерцогиня?

- Эрзи, я уродина?

- Вы? Вы будете выдающейся красавицей, мадам.

- Но у меня голубые глаза! Румяные щеки! И никакой меланхолии!

Я не знала, что такое меланхолия, просто слышала, как Мими сказала об Изабелле, что та изумительно меланхолична, и решила, что главное для невесты - это та самая меланхолия. И где ее взять?

- Зачем вам меланхолия? Вы живой и симпатичный ребенок, упаси господь вас от меланхолии.

- А что это такое?

- Это постоянная грусть, тоска по чему-то недостижимому.

Вот уж чего у меня точно не было, так это тоски. Эрзи права, не нужна мне никакая меланхолия. Надо сказать и Шарлотте, чтобы не завидовала отсутствию ее у себя. Я метнулась за дверь.

- Куда?!

- Сейчас, я Шарлотте скажу, что нам не нужна меланхолия!

Сестра удивилась моему появлению. Она была уже раздета, чтобы ложиться спать, потому мое неожиданное вторжение перепугало не только Шарлотту, но

и всю ее прислугу.

- Что случилось?!

Я юркнула в постель сестры, зашептала на ухо:

- Шарлотта, эта меланхолия, оказывается, сродни тоске. Зачем она нам с тобой?

Сестра согласилась:

- Ни к чему.

- Вот и я так думаю. Пусть себе тоскуют втроем с Иосифом и противной Мими.

- Пусть.

Если бы я только знала, насколько окажусь права. Иосиф влюбился в свою супругу с первого взгляда, в Изабеллу влюбились все, включая императрицу. А она сама... в Кристину! Я не понимала таких сплетен за их спиной, вернее, не понимала, почему об этом нужно шептаться. Изабелла любит Мими... ну и что? Матушка тоже любит Мими. Может, об этом шепчут только потому, что, кроме матушки, противную доносчицу не любит никто? Мы с Шарлоттой так и решили и стали говорить о любви между Кристиной и Изабеллой шепотом, старательно перемигиваясь, точно знали какую-то тайну.

Это была весьма интересная игра, особенно нам нравилось дразнить надменного Иосифа. Брат почему-то очень болезненно относился к таким слухам. И чего переживает, матушкиной любви хватает и на Мими, и на него самого, и на Изабеллу. Вот и любви Изабеллы хватит. Нам стало даже жалко заносчивого Иосифа, он страдал, и мы, как две добрые натуры, решили его утешить. Получилось странно.

Мы не сказали ничего плохого, просто обнадежили Иосифа, что любви Изабеллы хватит и на него, и на Мими. Но если он переживает из-за того, что противная Мими все доносит матушке, то это ничего, Изабелла - не дура и скоро сама поймет, чего стоит сестрица...

Шарлотта даже договорить не успела, Иосиф внезапно изменился в лице, вместо надменного старшего брата мы увидели не благодарного мужа, а взъяренного вепря! Он схватил обеих за рукава, едва не оторвав, и зашипел в уши:

- Кто вам сказал об этой любви?!

Я, почти заикаясь, объяснила:

- Да ведь всем видно...

- Что видно?

- Ну... их любовь...

Брат отшвырнул нас в сторону и бросился вон. Мы уже не были уверены ни в чем. Странные эти взрослые – то сами твердят о всеобщей любви, то вдруг вот так злятся, когда им говоришь, что эта любовь видна с первого взгляда.

Вечером нас вызвала к себе матушка. Мы трусили до невозможности. Неужели ей пожаловался Иосиф? Тогда в нашей семье не одна доносчица, а сразу двое!

Идти было очень страшно, но тянуть нельзя, если к себе вызывала императрица, никому не приходило в голову промедлить. Мы шли точно на казнь. Я не знала, как ходят на казнь, ни разу не ходила, но полагала, что именно так: понуро и едва волоча ноги.

Матушка разговаривала с нами тоже странно, она спокойно поинтересовалась, кто нам сказал о любви Кристины и Изабеллы. Мы честно признались, что все видно с первого взгляда.

- Что видно?

- Ну, они так часто беседуют, гуляя в саду под руку, так ласково разговаривают между собой... Ну, вот как мы с Антуан...

- Что «вы»? – кажется, матушка обомлела. Странно, она что, не знает, что нас водой не разлить? Мне стало страшно, вдруг ей это не нравится и нас разлучат?

Я попыталась объяснить, что в этом нет ничегошеньки плохого:

– Мы с Шарлоттой тоже все время играем вместе. И за собачками следим... и на клавесине... и в санях катаемся... и... уроки делаем тоже...

Насчет уроков было слегка нечестно, потому что уроки делала пока только Шарлотта, а я просто вертелась рядом, с трудом коротая скучное время ожидания, когда над сестрой закончат издеваться и можно будет пойти поиграть или побегать. Из-за этого ожидания сами уроки мне казались невероятно тягостными, и я заранее ненавидела учебу. Пока сестринскую, а позже и свою собственную.

Несколько мгновений матушка недоуменно смотрела на нас, а потом осторожно поинтересовалась:

– А что вы видели у Кристины с Изабеллой?

Я вздохнула:

– Уроки они, конечно, не делают и с собачками не играют... Только гуляют и болтают, Изабелла вздыхает, ну, у нее же меланхолия, Вы знаете... – Я вдруг закрыла рот обеими руками, в ужасе подумав, что выболтала лишнее.

– Ну и...?

– Изабелла мечтает о смерти, а Кристина над ней смеется...

Последние слова из меня вытягивал, уже словно клещами, матушкин взгляд.

– И все?

– А что еще?! – вопрос мы задали с Шарлоттой в один голос.

Матушка хохотала до слез, а мы стояли, растерянно соображая, что могло быть смешного в том, что Изабелла мечтает о смерти.

– Ой, уйдите... идите к себе... и не болтайте больше ни о чьей любви, я вас умоляю.

Мы топали по коридору, крепко держась за руки, и молчали. Потом в гостиной Шарлотты долго смотрели друг на дружку, пока наша дорогая Эрзи не поинтересовалась:

– О чем задумались?

– Эрзи, почему матушка запретила нам говорить о любви Кристины и Изабеллы?

Теперь смеялась уже мадам Брендес:

– Вот вы о чем.... Это не та любовь, о которой вы болтаете. Это не сестринская любовь.

– А какая?

– Бывает и другая. Вы малы еще, чтобы о такой рассуждать, поэтому лучше не болтайте лишнего, пока не попали в неприятную историю.

Хотелось сказать, что уже попали, Иосиф сильно на нас сердит.

Еще немного посоветовавшись, мы с Шарлоттой решили, что лучше быть детьми, как мы, и что в дела взрослых точно лезть не следует, даже из наилучших побуждений.

Изабелла и Мими продолжали дружить, что страшно расстраивало Иосифа, но мы с Шарлоттой его больше не жалели, ну их, сами разберутся. Так сказала Шарлотта, и я привычно с ней согласилась. Какая все же у меня замечательная сестра! Шарлотта в тысячу раз лучше всех Мими и Изабелл, вместе взятых, и я всегда буду любить ее, хотя у нее нет никакой меланхолии. И мне не нужны никакие мужья вроде Иосифа, который злится из-за любви Изабеллы и Мими.

Оспа, снова оспа... этой страшной заразы, казалось, невозможно избежать! Снова никого чужого не допускали во дворец, даже детей заставили сидеть в своих покоях, но всего через три месяца после свадьбы Иосифа заболел и умер матушкин любимец Карл Иосиф. Матушка всегда говорила, что этот мальчик еще покажет себя, потому что умен, талантлив и красив. Мы с Шарлоттой мало общались с Карлом, но все равно жалели братца.

Следующей смертельной жертвой страшной болезни оказалась сестра Иоганна, потом болезнь поразила Изабеллу, которая была беременна. В результате родилась девочка, едва прожившая день, а сама Изабелла тоже скончалась. Иосиф был безутешен! Он заявил, что ни за что больше не женится, но с ним строго – наша Эрзи даже говорила, что очень строго, – поговорили, чтобы осознал, что он не просто мужчина, а прежде всего сын императорской четы и наследник престола.

Мы с Шарлоттой решили, что быть наследником престола очень плохо, потому что нельзя жениться на том, кто тебе нравится. Эрзи смеялась над нами, утверждая, что никому из нас нельзя жениться или выходить замуж за тех, кого любишь, эрцгерцоги и эрцгерцогини, даже если они не наследники, все равно товар в политической игре. Мы ахнули, из-за своих детских игр и увлечений мы совершенно не обращали внимания на такие взрослые вопросы, как замужество или женитьба, казалось само собой разумеющимся, что взрослые братья должны жениться, а взрослые сестры выйти замуж. Но это никак не касалось нас, младших. Иосиф, очень важный и взрослый, – уже давно, Мария-Анна – из-за того, что стала калекой, выйти замуж не рассчитывала, но и противная Мими тоже не собиралась связывать свою судьбу с кем-либо. Ходили сплетни, что она влюблена в Альбрехта Саксена, но все вокруг говорили, что императрица ни за что не позволит старшей дочери связать свою судьбу с почти нищим родственником.

Мы с Шарлоттой мечтали, чтобы Кристину выдали замуж куда-нибудь в Англию или еще подальше и она больше не жила в нашей семье. Боюсь, что так думали не только мы.

Но у Иосифа не было сына, ведь первой Изабелла тоже родила дочку, слабенькую и маленькую. А будущему императору нужен наследник, в свою очередь. И вот Шарлотта принесла интересную новость: Иосиф женится на Жозефе Баварской. Я в это время лежала с простудой, сильно кашляла и очень обрадовалась хотя бы возможности поболтать о предстоящих празднествах.

Они действительно ожидалась великолепные, таким было решение матушки. Едва только поднявшись с постели и убедившись, что горло больше не болит, я активно включилась в репетиции очаровательного балета «Триумф любви», который танцевали прежде всего мы, младшие дети. В нем я и Фердинанд старательно изображали пастушка и пастушку, хотя не имели понятия, как те должны выглядеть, а толстячок Макс пыхтел в роли Купидона. Получилось, как утверждали все, просто очаровательно.

Для меня особенно важен был отзыв матушки, вернее, услышанное мадам Лерфенхельд, помогавшей Эрзи воспитывать нас с Шарлоттой, замечание:

– О... у малышки Антуан великолепная осанка и посадка головы! А также красивые руки. Пожалуй, гусенок может превратиться в прекрасного лебедя...

Два дня после этого я тайком разглядывала свои руки и, проходя мимо зеркал, старательно сворачивала шею, чтобы поглядеть на свою осанку. Пока не налетела на мсье Кауница. Тот остановил меня, взяв обеими руками за плечи и смеясь:

– Мадам, Вы свернете свою прекрасную шейку, если будете смотреть в одну сторону, а идти – в другую. Что Вы пытались увидеть в зеркале? Не ловили ли чей-то тайный взгляд?

Я вспыхнула: какой взгляд?! Венцель Кауниц вдруг внимательно всмотрелся в мое лицо, потом довольно хмыкнул и пошел дальше, не обращая внимания на мое смущение.

Кауниц был матушкиным главным советчиком, сколько я себя помнила. Говорили, что он стал таковым до моего рождения, но все, что касалось этих древних времен, меня не интересовало вообще. Потому этот министр казался мне не просто старым, а древним, почти доисторическим. Наверное, для всех детей всемирная история начинается именно с них, и только потом приходит понимание, что люди как-то жили до их рождения. Говорят, однажды я подозрительно сказала Эрзи:

– Что-то я не помню, чтобы меня не было...

Шарлотта тоже не помнила, когда я родилась, ей было всего три года, и сестре казалось, что я была всегда.

Но Кауниц точно существовал до моего рождения и даже до рождения Шарлотты. Министр не без основания считался модником, потому что долго представлял Австрию в Париже, научился всем французским «прелестям», как об этом выражалась сестрица Мими, одевался щеголем и с ним часто советовались по поводу нарядов даже матушка и старшие эрцгерцогини. Нам в советах Кауница нужды пока не было, а потому мы с Шарлоттой вспоминали о министре крайне редко. Я видела его на праздниках, но никогда не разговаривала и совсем не представляла, о чем с Кауницем вообще можно беседовать, кроме скучных депеш и разных сложностей, про которые даже матушка говорила, что от них болит голова. Разговоры, от которых болит голова, меня не вдохновляли совсем.

Может, потому я очень быстро забыла об этой встрече, да и о самом празднике тоже. Слишком бурным и страшным для нашей семьи оказался следующий, 1765 год, начавшийся так красиво.

Беда

Брат Леопольд тоже женился, но он не страдал, как Иосиф, и не боялся брака. Его свадьба с Марией Луизой Испанской должна была состояться в Инсбруке в августе, однако дела не позволили отправиться туда матушке. Сестра Амалия ворчала, что если бы это была свадьба любимицы Кристины, то ради Мими матушка отменила бы даже собственные именины!

Отец уехал в Инсбрук один. Уезжал он странно. Мы, как положено добрым дочерям, проводили папу, пожелав доброго пути, и занялись своими делами. Я рисовала, а вернее, просто обводила то, что до меня уже набросала на листе верная Эрзи. Мы так поступали в отношении большинства занятий, Эрзи, страшно расстроенная моей неспособностью к усидчивому обучению, просто писала тонким карандашом задание, а я старательно обводила, все равно сажая при этом невероятное количество клякс. Из-за того, что я писала не свое, а обводила уже написанное, получалось очень медленно, я так привыкла именно к медленному письму, что и позже писала тоже как улитка, вызывая массу

насмешек и обвинений в безграмотности.

Но в тот день я пыталась раскрасить уже набросанный Эрзи рисунок. Это удавалось хорошо. Вдруг в комнату для занятий почти вбежал взволнованный слуга:

– Мадам эрцгерцогиня, Вас просит выйти император Франц.

– Кто? – обомлела я, ведь папа уже уехал.

– Ваш отец, он просит, чтобы Вы вышли к нему. Он почему-то вернулся.

Я бросилась к выходу. Вернуться отец мог только по очень важной причине. Что же такое он забыл мне сказать, что заставило повернуть обратно уже после отъезда?

Но отец не сказал ничего особенного, он крепко-крепко обнял меня и поцеловал. Потом чуть оттолкнул, тихо пожелав:

– Будь счастлива, дитя мое.

В его глазах сверкали слезы. Окружающим отец вдруг объяснил:

– Господь знает, как мне вдруг захотелось обнять именно этого ребенка.

Я была потрясена, никогда не видела отца таким, у него не было любимчиков, как у матушки. Растерянно стояла на ступеньках крыльца, глядя вслед уезжавшему императору. Если бы я знала, что вижу его в последний раз...

Больше живым отца не видел никто из нас, оставшихся в Вене, – 18 августа в Инсбруке император умер прямо на руках у Леопольда.

Жизнь в нашей семье просто остановилась. Отчаяние матушки было таким, что все боялись за ее разум. Она не просто любила отца, она любила его больше всех нас, вместе взятых, больше самой себя. Пожалуй, больше она любила

только свою страну и власть. Но в те дни даже власть перестала для матушки существовать.

Во дворце не просто траур, все замерло и умерло, все в черном. Даже когда умирали дети – Карл, Иоганна или Изабелла, такого не было.

Занятия отменены, но впервые я этому вовсе не радовалась, мы с Шарлоттой сидели у себя и плакали. Не звучала наша любимая музыка, не слышен смех и веселые голоса. Не было больше нашего доброго папы, который никогда не спрашивал с нас так строго, как матушка, зато часто был ласков и чуть насмешлив. Матушка говорила, что из-за своей невнимательности и легкости ума он не может управлять государством, а потому правила сама. Отец, если и обижался, то вида не подавал. Правда, частенько поговаривал, что он в семье всего лишь гость, а мы с матушкой, собственно, и составляем семью.

Мария-Терезия не представляла себе жизнь без мужа. Она вышла замуж по любви, особой выгоды там не имелось, была мужу безусловно верна, закрывала глаза на его небольшие грешки, занималась государством и семьей, причем то и другое было для императрицы единым. Мария-Терезия так любила супруга, что готова была рожать от него детей каждый год, что, собственно, и делала. До самого младшего, «Толстого Макса», следующего за Антуан, дети действительно рождались почти каждый год.

Франц Стефан был наполовину французом, наполовину в нем текла лотарингская кровь, может, потому он оказался неисправимым любителем женщин, правда, очень старался не обижать супругу. Сама Мария-Терезия стойко была ему верна и ничуть не тяготилась постоянными беременностями.

И вот теперь этого добродушного весельчака, ее обожаемого Франца не стало! Жизнь померкла в одночасье. На несколько дней она заперлась в своих покоях, никого не впуская. Первым побуждением было уйти в монастырь, тем более аббатисой одного из них была сестра умершего супруга.

Мария-Терезия навсегда надела черные траурные одежды и приказала обить стены своих покоев темным бархатом, словно хороня себя, свою любовь, свои надежды. Близкие боялись за ее здоровье, всегда энергичная императрица просто сидела, уставившись в одну точку и о чем-то размышляя. О чем она

думала? Наверное, вспоминала счастливые дни супружеской жизни, своего дорогого Франца, его смех, его шутки, возможно, его ласковые руки...

Франца Стефана больше не было, но оставалась Австрия и ее дети. Императрица всегда говорила, что все австрийцы – тоже ее семья. Как бы ни страдала Мария-Терезия, она не могла бросить своих детей на произвол судьбы. Тем более они выросли и пора заниматься не только женитьбой сыновей, но и замужествами дочерей, что куда сложнее...

Кристина сумела воспользоваться минутной слабостью матери и выторговать себе брак с нищим возлюбленным, Мария-Терезия не смогла отказать своей любимице Мими. Но больше такого допускать не следовало, остальные дочери должны выйти замуж не по своей, а по материнской воле! Недаром Мария-Терезия давным-давно сказала, что они рождены для повиновения. И пусть Амалия, до беспамятства влюбленная в Карла Цвайбрюккенского, дует губки сколько угодно, взывая к справедливости, пусть шипит на каждом углу, что если одной дочери позволено выйти замуж по любви и без богатства, то и остальным надо так же, мать на это не пойдет.

Начался подбор возможных партий, а попросту – женихов.

Императрица сидела, разложив, словно карты пасьянса, портреты своих дорогих девочек. Дочерей было пять: красавица Элизабет двадцати трех лет, строптивая Амалия, которой двадцать один, шестнадцатилетняя Жозефа и две младшие – Шарлотта, которой пятнадцатый год, и одиннадцатилетняя Антуан, эта в расчет не бралась вообще. Первым Мария-Терезия отложила в сторону именно ее портрет, пока есть незамужние старшие, подумав, отодвинула и изображение Шарлотты, Каролина недалеко ушла от младшей сестры, пусть возьмется со своими собачками, придет и их черед.

Все дочери красивы, великолепно воспитаны, в меру умны и весьма покладисты. Это очень достойные невесты, лучших в Европе просто не имелось, потому Мария-Терезия не слишком беспокоилась за успех предприятия.

Теперь женихи. Их портретов у императрицы не было, но внешность возможных зятьев мало интересовала мать, подбирающую мужей своим дочерям, ведь дочери рождены, чтобы повиноваться. За неимением портретов их заменили

листки с именами. Имени пока только два, оба Фердинанды – Неаполитанский и Пармский. Обоим женихам и наследникам своих отцов по шестнадцать.

Рука императрицы чуть замерла над портретами дочерей и вдруг решительно отложила изображение старшей из невест и самой красивой из эрцгерцогинь Элизабет, но не к младшим сестрам, а в другую сторону. Какие планы родились в голове у императрицы по поводу этой дочери? Наверное, грандиозные, и сама Элизабет о них знала, потому что девушка никогда не высказывала недовольства тем, что младших сестер выдают замуж, а о ней не идет даже речи, и дело было явно не в привычном повиновении. Мария-Терезия никому не говорила о надеждах на скорую кончину супруги короля Франции, Людовика XV. Королева Мария Лещинская была на целых семь лет старше своего мужа, и Марии-Терезии доносили о том, что состояние ее здоровья оставляет желать лучшего. Конечно, король уже почти стар, но он по-прежнему красив и галантен, нужно только уметь не обращать внимания на его ветреность или приручить его, как это делала маркиза де Шатору или мадам де Помпадур.

Но сейчас мысли Марии-Терезии были не о престарелом французском короле, а об одном из его внуков – Фердинанде Пармском. Житейски мудрый дедушка, по собственному опыту знавший, что более взрослая жена – не преграда для рождения детей, дал внуку совет не обращать внимания на разницу в возрасте с невестой, если она знатного рода и вполне подходит в качестве супруги. В то же время Карл Испанский возражал против значительной разницы в возрасте с супругой для своего сына – Фердинанда Неаполитанского.

Это означало, что за герцога Пармского выйдет старшая из сестер, Амалия, а за Неаполитанского шестнадцатилетняя эрцгерцогиня – Жозефа.

К обоим кандидатам отправились послы. Конечно, не самим Фердинандам решать такие вопросы, за них подумают старшие, но Мария-Терезия почти не сомневалась в успехе. Все решилось, как было задумано, но, как и бывает обычно, в расклад вмешалась судьба-злодейка.

Во дворце сплошной траур. Началось с того, что наша Мария-Кристина потеряла новорожденную дочь и чуть не умерла сама. Как мы ни презирали противную доносчицу, но ее было жалко, особенно когда сказали, что у Мими больше не будет детей. Мама сидела у постели своей любимицы день и ночь, страшно

боясь, чтобы слуги не перепутали микстуры или не сделали что-то не то.

Злорадствовала только Амалия, которая уже знала, что ей предстоит выйти замуж не за любимого Карла Цвайбрюккенского, а за маленького Фердинанда Пармского, которому всего шестнадцатый год. Сестра твердила, что это Господь наказывает Мими за все ее грехи. Мы с Шарлоттой не любили Мими, но с Амалией были не согласны, ребенок-то при чем?

Потом заболела Жозефина, жена нашего Иосифа. Дворец поделился на места, где можно и куда нельзя ходить, молодая императрица была больна оспой! И теперь мы не понимали Иосифа. Ну разве Жозефина виновата, что он до сих пор любил свою Изабеллу? Замуж-то она вышла против собственной воли, тоже любила другого, но воля родителей сильнее. Но Иосиф даже не заходил к больной жене, а когда Жозефа все же умерла, даже не пошел ее хоронить.

Сестра утверждала, что бедная Жозефа умерла не от оспы, а от отсутствия любви. Может быть. Нам с Шарлоттой впервые стало страшно. А вдруг и нас вот так будут избегать мужа или не любить в их семьях? Как же не хотелось взрослеть! Но шли дни, и нам все чаще стали напоминать, что скоро и наша очередь решать вопросы замужества. Мы прекрасно понимали, что решать их будет матушка и уговорить ее, как Кристине, никому не удастся, она даже слушать не стала Амалию, рыдавшую уже не первый день.

А потом заболела сама матушка!

Я сидела за пядьцами, это одно из немногих занятий, кроме танцев и игры на арфе, которое мне нравилось и за которым я проявляла чудеса усидчивости. Эрзи всегда дивилась, как это у меня получается терпеливо делать стежок за стежком при том, что в остальном я словно шарики ртути – не поймать. Неожиданно в комнату почти вбежала страшно взволнованная Шарлотта, у нее даже волосы растрепались. У меня упало сердце:

– Что?!

– Мама... у нее оспа...

Я метнулась сама не зная куда, меня удержали мадам Лерфенхельд и Шарлотта:

- Куда, туда не пускают!

Наступили черные дни. К матушке не пускали никого, даже ее любимую Мими. Не пускали вообще в ее половину дворца, заставляя нас сидеть на своей. Это было, конечно, правильно, потому что матушка заразилась, когда хоронили Жозефу, но как же жестоко! А вдруг... а вдруг она умрет, а мы даже не сможем с ней попрощаться?!

Из покоев императрицы даже слуги не выходили, они только выставляли грязную посуду и ночные горшки и принимали все чистое. Нас не подпускали даже на лестницу, ведущую к матушкиным комнатам.

- Эрзи, а я тоже умру от оспы?

- Тьфу на вас, мадам! Во-первых, вовсе не обязательно умирать, даже если заболела, а во-вторых, вы уже болели, так что едва ли заразитесь снова.

- Почему меня тогда не пускают к матушке?!

- Я сказала едва ли, а не точно.

- А Шарлотта болела?

- И мадам Шарлотта тоже. И император Иосиф.

Я поспешила поделиться новостью с сестрой. Та помнила, что я болела, тогда никого не пускали в мои комнаты даже посмотреть одним глазком. Про свою болезнь Шарлотта, конечно, не помнила, это было давно. Про Иосифа - тем более.

Иосиф легок на помине, явился сам. Это было так неожиданно, брат никогда не приходил в наши комнаты, а тут не просто явился, а сел, привлек нас обеих к себе и вдруг... расплакался, уткнувшись лицом в живот Шарлотты. Мы обомлели, что это с ним?

- Она причастилась...

– Что?!

– Матушка причастилась...

Это было страшно, люди причащаются перед смертью. Неужели матушка умрет?! Больше горе было трудно придумать.

Позже я поняла, что Иосиф пришел плакать именно к нам, потому что только мы трое уже переболели этой заразой, остальные нет и к ним тоже нельзя ходить никому постороннему.

Несколько следующих дней превратились в сплошной ужас ожидания худшего. Но матушка пересилила болезнь, удивительно, оспа даже не слишком изуродовала ее лицо! Несколько ямок за ушами и одна на подбородке, больше похожая на ямочку, не сделали императрицу менее привлекательной. Нам было все равно, даже если бы все ее лицо оказалось изрыто этими оспинами, мы продолжали бы любить нашу матушку.

Казалось, самое страшное позади, однако болезнь собрала еще не весь урожай.

Жозефа готовилась к отъезду в Неаполь, чтобы выйти замуж за Фердинанда Неаполитанского. Императрица заявила, что обязательно нужно сходить в фамильный склеп и помолиться предкам об удачном замужестве и будущей семейной жизни. Почему-то Жозефа совсем не желала этого делать, но матушка настояла.

Как и отец, сестра попрощалась со мной отдельно, крепко обняла и почему-то сказала, что она покинет нас, но не для отъезда в Неаполь, а чтобы уйти в семейный склеп. Это было так страшно.... Когда Шарлотта спросила, о чем со мной говорила Жозефа, я просто залилась слезами.

Предчувствие не обмануло бедную Жозефу, в склепе она, видно, заразилась от могилы своей тезки, Жозефы Баварской, умершей недавно, и... действительно последовала в семейный склеп! Жозефа умерла 15 октября в день именин матушки. Отчаянию ее не было границ, императрица обвиняла себя в гибели дочери. А Амалия снова говорила, что это кара за то, что с ней обходятся так

жестоко.

Может, стоило бы прислушаться, но оказалось не до того. Оспа снова взялась за свое черное дело. Эта зараза поразила самую красивую из наших сестер – Элизабет, изуродовав ей лицо. Теперь самая красивая стала самой некрасивой, ведь Марии-Анне можно было скрыть ее возникшую после болезни кривобокость хотя бы при сидении, а как скрыть рябое лицо? Элизабет, которая так гордилась своим красивым лицом, чуть не умерла, но не из-за оспы, а от горя.

Мария-Терезия тяжело переживала гибель одной дочери и уродство другой, ведь не настаивай она на походе в склеп, Жозефа была бы жива, а Элизабет не лишилась бы лица!

Но как бы ни страдала императрица, перед ней стоял вопрос: что делать с несостоявшимся замужеством Жозефы. На лист легли строчки, обращенные к Карлу Испанскому:

«Предлагаю вам одну из оставшихся у меня дочерей. В настоящий момент есть две, которые могли бы вам подойти, – эрцгерцогиня Амалия и эрцгерцогиня Шарлотта».

Выбор Мария-Терезия оставляла испанскому королю. Карл хорошо помнил о возрасте Амалии, потому сделал выбор в пользу Марии-Каролины (Шарлотты). Амалию окончательно решено выдать за Фердинанда Пармского.

В ужасе были мы все трое. Амалия рыдала день и ночь, ведь она так надеялась на свой брак с Карлом Цвайбрюккенским!

У нас с Шарлоттой были свои причины плакать. Она стала невестой совершенно неожиданно, и нам предстояло разлучиться, причем раньше, чем мы ожидали, даже при новом положении дел.

Мы возились со щенками, радуясь, что можно хоть ненадолго отвлечься от неприятных мыслей. Шарлотта только утром говорила, что теперь понимает, почему Иосиф так боялся женитьбы. Сестра тоже боялась, а я страшно боялась

за нее. Но новорожденные щенки заняли все наше внимание. Эти малыши такие душки! У них уморительно дрожали крошечные хвостики и слезились полуслепые глазки. Щенки доверчиво тыкались нам в руки и тихонько попискивали. Мамаша настороженно следила, готовая в любую минуту кинуться на защиту своих детенышей, хотя очень любила своих хозяек и прекрасно понимала, что мы не обидим ее детенышей.

Мы так увлеклись, что даже не заметили прихода матушки, только когда Эрзи кашлянула совсем громко, Шарлотта наконец подняла голову и вскочила, я за ней. Матушка недовольно обвела комнату взглядом и строго произнесла, обращаясь к Шарлотте:

- Теперь я буду относиться к вам как к взрослой.

Шарлотту перевели в другие комнаты, и я осталась одна. Когда это произошло, я, рыдая на груди у доброй Эрзи, горестно произнесла:

- Детство кончилось, осталось только стариться...

Эрзи смеялась надо мной, не подозревая, что совсем скоро меня разлучат и с ней. А пока мадам Брандейс продолжала баловать и, как позже сказала матушка, страшно портить меня. Я не видела в доброте нашей Эрзи ничего дурного, это было так удобно - копировать сделанные ею задания или обводить ее рисунки!

После того как от меня отселили Шарлотту, даже брат стал относиться куда строже, как-то он зашел проверить, что я читаю, и страшно удивился, узнав, что ничего.

- Как можно?! Разумному чтению нужно уделять минимум два часа в день!

Хотелось крикнуть: за что такое наказание? Я вовсе не любила читать, просто когда я еще только училась и с трудом связывала буквы в слова, остальные - Шарлотта, Жозефа и особенно старшие читали бегло и уверенно, временами потешаясь над моими стараниями. Не смеялась только Шарлотта, но она любила учиться, а я - нет, потому и читать она любила, а я нет. А делать целых два часа то, что страшно не любишь, да еще и помимо основных нудных уроков... к чему такое наказание?

Нет, конечно, было то, что я любила. Мне нравилось играть на арфе, нравилось учить итальянский и болтать на нем, нравилось вышивать, а особенно танцевать! Но складывать числа или подолгу размышлять над чем-то... увольте! И читать тоже, тем более серьезные книги.

И вдруг...

Невеста

Мария-Терезия едва не схватилась за голову, осознав, какую возможность чуть не упустила. Не пообещай она твердо Карлу Испанскому Шарлотту, все было бы поправимо, но эта дочь уже готовилась отбыть в Неаполь взамен умершей Жозефы. А требовалась невеста для еще одного жениха, пожалуй, одного из самых завидных в Европе – внука Людовика XV – Людовика Августа. Жених был завидным потому, что после внезапной смерти одного за другим нескольких наследников французского короля вдруг стал дофином.

Мария-Терезия лелеяла план женить самого короля на Элизабет, ведь королева Мария Лещинская была при смерти. Но Элизабет, переболев оспой, потеряла всю свою привлекательность и из списка возможных невест выбыла.

Зато теперь женихом становился внук короля, Людовик-младший. Дофину, конечно, еще рановато жениться, но думать об этом родителям (или дедушке, как в случае Людовика) следовало загодя. А у Марии-Терезии осталась только одна дочь – Антуан, которую все считали еще ребенком. И это при том, что Савойских – две подходящие по возрасту девицы! Если честно, то императрица жалела, что успела подписать брачный договор по поводу Шарлотты, Фердинанду Неаполитанскому подошла бы и Антуан, а вот Франции – куда больше Шарлотта. Но сделанного не воротишь, приходилось принимать срочные меры, чтобы не упустить и этого завидного жениха. Мария-Терезия усмехнулась: «А еще говорили, что у меня слишком много детей, вот наступил момент, когда их даже недостаточно!»

Позже Марию-Терезию злословы назовут «свекровью и тещей всей Европы», но она действительно считала, что лучше женить своих детей и этим превратить

возможных противников в союзников, чем терять людей на полях сражений, земли в случае проигрыша и деньги на военные расходы.

В Париж полетели депеши, завязалась переписка между вчерашними почти врагами, каждый из которых понимал, что брачный союз детей может перерасти в прочный союз государств. Но если Марии-Терезии были скорее нужны твердые гарантии, то король Людовик отнюдь не торопился. К чему? Внук еще юн, можно и подождать.

Мария-Терезия всерьез взялась за младшую дочь.

Впервые всерьез приглядевшись к Антуан, числящейся рядом с другими сестрами малышкой, мать оказалась в шоке. Девочка, конечно, очаровательна, музыкальна, у нее хороший голос, прекрасный слух, красивые руки и шея, замечательная осанка, она грациозна, но и все! У разумной императрицы, столько лет правящей Австрией, оказалась полуграмотная дочь! Антуан не любила учебу, не любила читать, писала медленно и со множеством клякс и ошибок, говорила на дикой смеси французского и немецкого языков, ничего не знала ни в какой области наук.

Кроме того, у девочки нашлись и недостатки во внешности.

В результате эрцгерцогине пришлось срочно исправлять зубы, придумывать новую прическу, учить ее нормальному французскому и спешно вдабливать хоть что-то по истории Франции. Письмо пока решено не трогать, если уедет, то мать разберет и каракули...

Неожиданно для себя девочка оказалась в центре внимания и одновременно зависти незамужних сестер. Вряд ли она сознавала ту роль, для которой ее вдруг взяли готовить. Антуан было все равно, куда важнее болезнь собачки или возможность попрыгать с Шарлоттой, пока не видят строгие взрослые.

Когда ребенку двенадцать, в ее голове еще не бродят мысли о замужестве. Во всяком случае, у Антуан явно не бродили. К тому же она еще не была девушкой, а это необходимое условие замужества.

Послушная дочь просто старалась понравиться матери и выполняла все требования, даже если они не были приятными.

Все закрутилось очень быстро, хотя в результате прошло целых два года, прежде чем Антуан действительно стала невестой наследника французского престола, дофина Людовика Августа. Императрица сумела «дожать» французского короля Людовика XV, который и собрался женить своего внука. Внуку Луи Августу вовсе не приспичило жениться, он тоже был совсем юн и к семейной жизни совсем не рвался. Но кто же спрашивает жениха и невесту, если речь идет о том, чтобы породниться с Габсбургами? Для обеих сторон этот брак был выгоден, а что дети совсем юные... ничего, именно этот недостаток легко проходит с годами.

Между Веной и Парижем зачастили послы, когда общая договоренность была достигнута и дата свадьбы назначена (через год), за дело взялись дипломаты. Утрясти все вопросы такого брака – дело крайне сложное, ведь не должны ни в малейшей степени быть обижены ни Габсбурги, ни Бурбоны, а это очень трудно. Несколько раз казалось, что сделка не состоится, но благодаря долготерпению дипломатов удавалось утрясти все вопросы. Например, такой: кто должен первым подписывать брачный договор – императрица с императором или король? Обсуждение практически зашло в тупик, когда вдруг кого-то осенило: экземпляра у договора два, значит, один первыми подписывают французы, другой – австрийцы! Решение удовлетворило обе стороны, каждая получала договор со своей подписью стоящей впереди.

Наконец после всех мучений и согласований французский посол маркиз де Дюрфор обратился с официальным предложением о помолвке между четырнадцатилетним дофином Франции Людовиком Августом и тринадцатилетней эрцгерцогиней Марией-Антуанеттой с последующей через год свадьбой.

Кажется, многие вздохнули облегченно. Начался период сначала празднования помолвки, а потом и подготовки к свадьбе. А для самой юной невесты начался интенсивный период обучения и исправления выявленных матерью недостатков.

В моих комнатах который день стойкий запах помады для волос и пудры, которая просто облаками витает в воздухе, заставляя всех немилосердно чихать.

– Мадам, вы слишком непоседливы! Пожалуйста, держите голову ровно!

Как же мне надоел этот парижский парикмахер Ларсенер! Если в Версале каждый день вот так причесывают, то я лучше... лучше вообще остригу волосы!

Ларсенер заставлял меня часами высидивать, почти не шевелясь, пока он подбирал мне новую прическу, которая «скрыла бы мой излишне высокий лоб». Когда он уходил, изведя мои волосы и меня саму, я долго разглядывала себя в зеркале, пытаюсь понять, что же всем не нравится в форме моего лба.

Никого из сестер перед замужеством так не мучили, хотя все они были красивы, но не идеальны. А уж вторая супруга Иосифа, Жозефа, так и вовсе не обладала ни стройной фигурой, ни особым изяществом. А меня ну пытались превратить в само совершенство. Я была слишком послушной и приученной повиноваться, потому не возмущалась.

Проволочки на зубы, чтобы были ровней (разве можно за полгода исправить то, что четырнадцать лет росло криво?). Волосы наверх в немыслимую прическу, которая неудобна (зато обещание, что вся Франция будет носить прически «под дофину»). Корсет и каблуки, хотя это страшно неудобно. И учеба, учеба, учеба. Мой французский почти исправили, я зазубрила всех королей и королей Франции, часами слушала и запоминала имена и характеристики придворных, что можно и чего нельзя говорить и делать, но потом оказалось, что о самом главном рассказать забыли. Может, моим наставникам это и было привычно, но меня учили держать себя в обществе, забыв рассказать о том, какое оно, а еще о том, что очаровательной нужно быть с раннего утра до поздней ночи, потому что жизнь французского короля и дофина на виду у всех даже в спальне.

Только неспособность огорчаться или надолго о чем-то задумываться помогла мне не ввергнуться в ту самую черную меланхолию, которая отличала Изабеллу.

Уехала в Неаполь Каролина, которую все звали Шарлоттой, отбыла к супругу обиженная Амалия, ставшая герцогиней Пармской. Сведения о них отнюдь не радовали мать. Слово в отместку за нежеланное замужество, Амалия сделала

все, чтобы опорочить мнение о воспитании Марией-Терезией своих дочерей. Бывшая эрцгерцогиня мстила за невозможность сочетаться браком с любимым, она вела предосудительный образ жизни, возможно, простительный бы в Версале, но не где-то в другом месте. Швыряя деньгами, герцогиня Пармская за два месяца умудрилась истощить финансы страны и серьезно опорочить свое имя.

Не лучше было и у несчастной Шарлотты в Неаполе.

Оставалась всего одна дочь, и только теперь Мария-Терезия вдруг осознала, что ее Антуан, которую все считали просто малышкой, немного погодя станет сначала дофиной, а потом и королевой одной из мощнейших стран, а она как мать и императрица так мало ей успела внушить. Все время было не до младшей, занимали дела старших детей. И мать перевела Антуан жить в свои покои. Для юной девушки это было очень тяжело, Мария-Терезия привыкла к своим обитым черным бархатом покоем, а каково Антуан? Точно в склепе, где приходится оплакивать прошлую, светлую и веселую жизнь. После этого не очень верилось в такое же светлое будущее и рассказы о веселом Версале.

Используя последние месяцы перед отъездом дочери, Мария-Терезия предприняла вместе с дочерью совместное паломничество в Маризель, где сама когда-то впервые причастилась. Они вели долгие беседы, мать старалась наставить дочь во всевозможных политических и житейских делах и с ужасом убеждалась, что девушка слишком юна и непоседлива, чтобы толком чему-то внимать.

Мария-Терезия стояла на коленях перед скульптуркой Девы Марии, но вместо молитвы получались просто невеселые раздумья. Императрица сама торопила события, стараясь поскорее получить заверения короля Людовика и официальное предложение для Антуан, а теперь вдруг испугалась. Если куда более взрослая и сдержанная Амалия и властная Шарлотта не смогли удержаться, то каково будет малышке Антуан, которую отправляли к одновременно самому фривольному и самому невольному из-за правил этикета двору? Как девочке, которая не знала жизни и не была вдумчивой, суметь балансировать на грани приличий, не вызвав ни насмешек, ни презрения?

Она билась за дофина Луи Августа, как за приз, не столько для дочери, сколько для себя и Австрии, за возможность союза между державами, не думая над тем, что дочь может оказаться неготовой к той роли, которую ей отводили.

Мария-Терезия решила, что будет помогать Антуан, ежемесячно писать ей, давая подробные наставления, поручит заботам и пристальному вниманию посла Австрии в Париже Мерси д'Аржанто... То, чего не успела сделать дома, в Вене, обязательно доделает на расстоянии.

Внезапно вспомнилось пророчество астролога, сделанное при рождении Антуан. О чем говорил старый астролог? Что за воспитанием и образованием девочки нужно постоянно следить, иначе она не явит и десятой доли своих природных способностей, а те, что все же проявятся, не принесут толка. А еще... что ее нужно выдать замуж как можно дальше от дома и за человека, который ей вовсе не ровня, иначе ее ждет отсечение головы!

Мать вдруг почувствовала, что ее охватывает настоящее отчаяние. Она бросилась к известному лекарю-провидцу Джону Йозефу Гасснеру:

- Что ждет мою дочь? Будет ли она счастлива?

- Для любого плеча найдется свой крест...

Но обратного хода уже не было, и императрица упорно настаивала на своем: она даже на расстоянии сумеет уберечь дочь от ошибок, поможет ей стать прекрасной супругой и дофиной, а потом и королевой. Франция еще будет благодарить Австрию за такую королеву!

А Мерси д'Аржанто давал не слишком лестные характеристики дофину: он медлителен, вял, замкнут, хотя отличается добрым нравом, умен и усидчив. Его интересы безумно далеки от интересов Антуан, Луи Август любит как раз то, что недолюбливает эрцгерцогиня: серьезную учебу, работу руками, в том числе мелкий ремонт самых разных механизмов от часов до замков, ремонт мебели, чтение толстых умных книг... больше всего ценит охоту, но при этом страшно неуклюж, абсолютно не умеет танцевать и не обладает музыкальным слухом. Луи Август терпеть не может веселое общество, застенчив и даже робок. Ни в каких амурных делах до сих пор замечен не был, к девушкам интереса не проявляет.

Марии-Терезии бы задуматься, но она пришла в восторг: у дофина есть все то, чего нет у Антуан, - серьезность, усидчивость, умение сосредоточиться. А у

самой невесты есть недостающее будущему супругу: она живая, смешливая, способная заразить своим весельем кого угодно, умеющая себя держать в любом обществе. Антуан не даст мужу спокойно сидеть в сторонке, она увлечет его придворной жизнью, а он ее образует! Все прекрасно, эти дети идеально дополняют друг дружку.

В конце концов императрица для себя решила, что, поскольку во Франции давно верх берут дамы, часто вовсе не королевского происхождения, то отсутствие у дофина интереса к противоположному полу подарит ее дочери спокойствие, а время и материнская забота, даже на расстоянии, сделают из Антуан прекрасную королеву. Для дам французского двора вовсе не обязательны глубокие познания в математике и даже истории, не обязателен практический государственный ум, достаточно блистать и быть чуть-чуть хитрой, остальное сделают галантные мужчины. А блистать Антуан сумеет, пожалуй, как никакая другая из дочерей.

Все прекрасно, Антуан будет супругой дофина. А потом королевой Франции, несмотря на все сомнения посла и пророчества разных предсказателей!

– Ты должна вести себя как французская дофина, но при этом не забывать, что ты настоящая немка...

– Да, мама.

Интересно, как это сделать?

– Ты должна подчиняться правилам поведения французского двора, но при этом не забывать о скромности и набожности....

– Да, мама.

А это как, если даже в Вене знают о вольности французского двора?

– Ты должна быть обворожительной и приветливой, но не давать ни малейшего повода усомниться в строгости твоего нрава и приличного поведения...

Привычное:

- Да, мама.

- Ты должна говорить и даже думать по-французски, следя за каждым своим словом, при дворе очень настороженно относятся к тем, у кого плохое произношение...

- Да, мама.

Вот уж думать мне никто не сможет запретить по-немецки.

- Ты должна стать прекрасной женой и матерью...

- Да, мама.

- Ты не должна пытаться вводить никаких новых традиций или обычаев, но соблюдать те, что приняты при дворе...

- Да, мама.

- Ты не должна ничего рассказывать о своей семье, а если все же вынуждена говорить, то делать это крайне осмотрительно...

- Да, мама.

Конечно, разве можно кому-то рассказать, что Изабелла любила Мими (теперь-то Антуан уже понимала, что это за любовь), а Иосиф терпеть не мог свою вторую супругу, что Амалия ненавидит мужа, а Шарлотта называет своего уродом?

- Ты не должна забывать дату смерти отца и всегда поминать его в этот день...

- Да, мама.

Разве можно забыть дорогого папу? Это Антуан помнит и без материнских указаний.

А Мария-Терезия смотрела на свою легкомысленную, но очень старавшуюся угодить и быть хорошей очаровательной девочкой дочь и понимала, что все слова уходят впустую. Как сможет четырнадцатилетняя девочка соблюсти все то, что она требовала? Да никак! Оставалось только надеяться на разумные наставления четы Ноай, которые должны взять юную дофину под свою опеку хотя бы на первое время.

Стремительно приближалась дата бракосочетания, дипломаты сбились с ног, утрясая последние детали церемонии. А у Антуан произошло важное физиологическое событие – она стала девушкой, о чем мать тут же сообщила во Францию Людовику XV, выражая надежду, что теперь дочь сможет стать матерью наследника. Антуан – товар, которому цена – власть, а это дорогая цена, потому качество товара должно быть высоким.

Таким же товаром были и все остальные невесты наследников престолов, да и сами наследники тоже. Но невестам сложнее, они попадали в чужую семью, которая вовсе не была расположена к новому члену. Часто молодая девушка вовсе не была желанной, как та же несчастная Жозефа, на похороны которой Иосиф даже не пошел. Во Франции таких примеров тоже множество. Не пришлось ко двору «купчиха» Екатерина Медичи, потом ставшая сильной королевой и, наученная собственным горьким опытом, заботливо относившаяся к невестке – Марии Стюарт, правда, до тех пор, пока та не оскорбила свекровь.

Многие невесты королевских дворов были несчастны в замужестве, легче было бы перечислить счастливых. Супруга правителя – часто всего лишь мать его детей, а любовь и восхищение – для любовниц...

Мария-Терезия составляла счастливое исключение, хотя и у нее не обошлось без проблем, но ей не приходилось никуда уезжать, и власть она получила по наследству. У старших дочерей замужество сложилось несчастливым, так хотелось, чтобы младшей дочери все удалось!

Как бы мама ни старалась растянуть время и вложить в меня возможно большее количество сведений о семейных ценностях, жизни вообще и жизни монархов в особенности, неумолимо приближалось время расставания. В апреле в Вене должно состояться бракосочетание по доверенности, после которого Антуан, превратившаяся в Антуанетту, отправлялась в Париж.

Посланники и просто гонцы весь год сновали между одной и другой столицами, доставляя депеши, чтобы стороны могли оговорить все и не случилось никаких неприятностей или казусов. Все это время множество людей были заняты подготовкой одного-единственного события – свадьбы двух отпрысков правящих фамилий – внука короля Франции, дофина Луи Августа, и дочери императрицы Марии-Терезии, сестры императора Иосифа Марии-Антуанетты.

Нашлось немыслимое количество сложностей, соблюсти требования обеих сторон временами казалось просто нереальным. Бывали моменты, когда у Кауница опускались руки, возможно, в такие минуты судьба снова и снова предупреждала императрицу. Что ей не стоит выдавать дочь замуж за французского дофина, но дипломаты с упорством преодолевали трудности соблюдения этикета, а Мария-Терезия с таким же упорством продолжала убеждать сама себя, что, поскольку Антуан станет со временем королевой Франции, то ей вовсе не обязательно быть счастливой.

Чьи подписи на брачном контракте должны стоять первыми – короля Франции или императрицы и императора? Казалось, переговоры зашли в тупик, кто же из сторон поступит своей честью и станет вторым? День, другой, третий... и вдруг... все гениальное действительно просто, контракт ведь будет в двух экземплярах, потому французский первым подпишет король Людовик, а австрийский – Мария-Терезия и император Иосиф. По обе стороны границы с облегчением вздохнули, вот яркий пример того, что при желании можно найти выход из любого затруднительного положения.

А отступать нельзя, потому что и в Париже, и в Вене всю шла подготовка к знаменательному событию.

Сестры Антуанетты обиделись на Марию-Терезию, ведь ни одну из них не выдавали замуж так торжественно. Хотя кому обижаться? Кристина (Мими) сама пожелала стать женой Саксена, Амалия и без того давным-давно не разговаривала с матерью, а Шарлотта просто переживала, что любимая сестра может не быть счастлива в семейной жизни, как она сама... Марианна и Элизабет даже разговоров о замужестве больше не вели. Странно, но в столь богатой на детей семье Марии-Терезии счастливых браков не оказалось вовсе, а при большом количестве рожденных дочерей найти невесту дофину Франции проблематично, Антуан – не лучшая для этого кандидатура.

Иосиф со вздохом подсчитывал расходы, связанные с моим замужеством, а я с тоской размышляла, как буду жить в Версале совсем одна, ведь со мной не отправляли никого, это было требованием французской стороны. Почему? Ведь с Изабеллой приехали ее камеристки и даже придворные дамы, кто захотел, даже с нелюбимой Жозефой тоже. Но Людовик и его дипломаты были непреклонны: будущая мадам дофина должна прибыть во Францию одна, никто и ничто не должно напоминать ей об Австрии. Даже любимую собачку запретили взять, глупо, словно от этого я перестану быть рожденной в Вене!

Невесты дофинов не ездят по Европе просто так, они ездят в сопровождении огромного эскорта и только после того, как выйдут замуж по доверенности.

Сначала, когда между французской и австрийской сторонами были улажены все вопросы и из Парижа прибыл уезжавший туда посол Дюрфор с кавалькадой из сорока восьми карет, запряженных шестью лошадьми каждая! Он приехал официально просить руки эрцгерцогини Марии-Антуанетты для Дофина Франции Людовика Августа. Все чинно, вежливо, все согласно этикету.

Началась большая игра под названием «сватовство и бракосочетание Марии-Антуанетты и Людовика Августа» (или наоборот, с какой стороны смотреть). Этот в высшей степени роскошный спектакль больше месяца старательно разыгрывали согласно подписанным договоренностям в Вене, Париже и по дороге из одной столицы в другую.

Первый акт спектакля состоялся, конечно, в Вене. С этого дня и до конца жизни Антуанетта стала полной пленницей страшного монстра, именовавшегося Этикетом. Детство закончилось окончательно, одно дело – быть возможной супругой дофина Франции и совсем другое – становиться таковой по-настоящему.

Пришлось на Библии поклясться, что отказывается от всех наследственных прав своих родителей, с этой минуты Антуан становилась для Вены просто эрцгерцогиней безо всяких прав. Потом были два блестящих праздника, устроенных французами и австрийцами попеременно. А через три дня прошло бракосочетание по доверенности. Доверенным лицом от имени жениха выступал, как и в случае сестры Амалии, брат Антуанетты, Фердинанд. Эрцгерцог смеялся, мол, хорошо, что больше сестер не осталось, не то пришлось

бы пережениться на них всех.

Бедная Антуанетта так устала за все эти дни «перевоспитания» и подготовки, что, когда пришло время самого бракосочетания, уже плохо понимала, что происходит. Но вот обряд закончился, и она официально стала «мадам дофина». Девушке казалось, что все происходит не с ней, или просто ее не касается, словно она участвует в каком-то спектакле, как раньше участвовала с сестрами и братьями в театральных постановках в честь праздников. Изображали же они с Фердинандом пастушка и пастушку, почему бы не изобразить жениха и невесту?

На следующий день, как положено, принялись за письма. Это тоже часть сложной игры под названием Этикет. Нужно выразить свое почтение и лучшие чувства королю Франции и «дорогому дедушке» Людовику, верно, ведь он стал дедушкой для новой дофины. Наблюдая, как дочь старательно, высунув язычок, царапает корявым почерком буквы, лежащие в неровные строчки, императрица впервые серьезно пожалела, что не проверяла ежедневно ее занятия с дорогой Эрзи, явно обучение было не слишком строгим. Вот и получилось, что Антуан всего лишь очаровательна, без особых знаний.

Мария-Терезия задумалась, а так ли необходимы глубокие знания девушке, ставшей супругой дофина блестящего двора? Совсем необязательно, как довелось ей самой, править страной, пусть лучше рождает детей, танцует и блистает в свете. Чтобы править страной, есть муж. Императрица не учитывала только одного – характера самого юного дофина и того, что он тоже едва ли сможет править Францией с толком.

Но пока было не до этого. Дочь уезжала, и понятно, что навсегда. Мария-Терезия умоляла дочь сделать столько хорошего народу Франции, чтобы французы сказали, что из Австрии к ним прибыл ангел. Что получилось в действительности – известно, не так часто французы казнят своих королей при помощи гильотины, а вот была ли столь виновата Мария-Антуанетта или просто попала под горячую руку Французской революции – еще вопрос.

В Париж отправлялись пятьдесят семь карет, две из которых были особенно роскошными, их по заказу короля Людовика изготовил известный французский мастер Франсьен специально для невесты дофина.

Сама Мария-Антуанетта долго высовывала голову из окна кареты, стараясь увидеть родной дом, в который уже никогда не вернется.... Впереди была новая жизнь, и какой она сложится, пока не знал никто, правда, всем верилось, что счастливой, для этого у юной пары было все – молодость, здоровье, красота и огромные средства.

Однако молодость преходяща, здоровье относительно, красота не всегда приносит счастье, а средства... они оказались практически взятыми в займы у народа Франции и истории... Платить по счетам пришлось Марии-Антуанетте и ее супругу. Причем платить самой дорогой платой.

В Версаль

Кареты, сделанные мастером Франсьеном, великолепны не только по оформлению, они очень и очень удобны. Прекрасные рессоры не давали возможности замечать неровности дороги, большие стекла открывают широкий обзор, можно любоваться окружающим пейзажем или задернуть красивые шторы, если любоваться надоест.

Не будь рядом в карете Иосифа, отправившего сопровождать меня в первый день, Антуан занялась бы изучением внутренности, великолепной обивки, сидений или просто глазела в окно. Но брат настроен серьезно, он переживал даже больше матушки и, кажется, вовсе не жалел сестру. Для императора было важней, чтобы французы увидели щедрость австрийского монарха и чтобы Антуан не опозорила его как брата. Выдавая замуж одну сестру за другой, Иосиф отрывал от сердца немалые суммы, но траты на Амалию и Каролину (Шарлотту) не шли ни в какое сравнение с тратами на Антуан. Французы неизменно любили блеск и роскошь, старались блеснуть перед Веной, Австрии приходилось отвечать тем же.

Огромная кавалькада карет, которые тащили триста сорок лошадей, двигалась в Кель, где на островке посреди Рейна в нарочно выстроенном для этого павильоне должна произойти передача дофины от Австрии Франции. Это тоже было ловкостью дипломатов. Где, как ни на острове посреди реки, являющейся границей, человек может перейти из одного статуса в другой?

И вот две с половиной недели, слившиеся в единый праздник в городах и селениях по пути с бесконечными фейерверками, приветствиями, балами, звуками фанфар и множеством цветов, подошли к концу. Огромный поезд из множества карет, сопровождавших мадам дофину, прибыли в Страсбург. Дальше поедут только две, те, что прислал из Парижа король Людовик, и уже в сопровождении французского эскорта. Император Иосиф давно вернулся в Вену, императрица успела прислать дочери письмо, полное любви и привычных наставлений.

«Раз в месяц перечитывай документы, которые я тебе вручила».

Антуан вспомнила об этих бумагах, в них содержались советы матери едва ли ни на все случаи жизни. Как оказалось позже, там не было самых главных и нужных советов. Хотя едва ли четырнадцатилетняя, живая, как ртуть, девочка смогла бы их соблюдать. Она жила, как жилось.

В последний вечер перед церемонией передачи Антуанетта встретила с графом де Ноай, именно он и его супруга становились для юной дофины главными советчиками и опекунами в новом мире, куда девочка попадала. Граф был солидным и пожилым. Антуанетта не придавала значения его возрасту, она хорошо помнила, что разумные люди часто бывают пожилыми, как, например, Кауниц.

А вот то, что ее статс-дамой стала графиня де Ноай, сыграло свою, возможно, не лучшую роль в жизни дофины.

– Мадам, пора.

На глазах у моей камеристки Жанны слезы, ей так хотелось отправиться со мной, но не позволили.

– Не плачь, Жанна, матушка найдет тебе другую работу, ты не останешься одна.

– Я не о себе плачу, мадам дофина, я о вас... Каково вам будет там одной?

– Ничего, Жанна, вон сколько людей собралось, чтобы оградить меня от любых неприятностей, чтобы с почетом проводить к моему супругу.

– Среди огромной толпы угождающих людей может не оказаться одного-единственного друга, так необходимого для счастья.

Если б только я знала, как она окажется права, но тогда голова четырнадцатилетней девочки была занята совсем другим, и страдать из-за возможных будущих осложнений вовсе не хотелось. Меня обожали все, вокруг говорили о том, что я мила и очаровательна, меня любили при дворе в Вене, почему не станут любить в Версале? Я очень постараюсь понравиться и королю, и его дочерям, моим новым тетюшкам, братьям и сестрам дофина и, конечно, самому дофину Луи Августу. Во всеобщих любви и восхищении я не сомневалась ничуть, боясь только попасть впросак, забыв о каком-то требовании этикета, но и в таком случае должны же все понять, что я еще очень юна и неопытна. Даже строгая матушка делала на это скидку.

Пока меня одевали, я весело щебетала, вспоминая очаровательные выдумки горожан, приветствующих меня по пути. Но вот все готово, одета, причесана, напудрена, остался последний вздох – и можно делать шаг в новую жизнь. И тут мне стало страшно, так страшно, что едва удержалась, чтобы не убежать или не расплакаться. Сказав несколько ласковых прощальных слов Жанне и помогавшим ей девушкам, я кивнула, чтобы дали понять, что готова. Ни к чему тянуть с прощаниями, я могла сколько угодно реветь дома, целуя всех подряд, но плакать здесь, чтобы французы увидели красные глаза и нос, никак нельзя!

Дипломаты настолько постарались предусмотреть все, что временами казалось, будто я сама здесь ни при чем, они передают от одной страны другой какую-то вещь или ценную депешу.

С австрийской стороны абсолютно все и всё осталось на той стороне. Вся одежда с меня, включая нижнюю рубашку, была снята и заменена на французскую.

– Мадам, поднимите руки.

– Мадам, повернитесь.

– Мадам, еще раз поднимите руки.

Хотелось крикнуть, что я не кукла и вполне могу надеть рубашку сама, но я стойко молчала, вдруг это не разрешено во время церемонии передачи?

Платье замечательное, оно, как и все мое приданое, заказано на австрийские деньги послом Вены в Париже, чтобы не тащить через половину Европы то, что в Версале уже может выйти из моды. Ах, этот Версаль, мечта любой европейской женщины... А я буду не только представлена ко двору блестящего короля Людовика XV, но и... мне вдруг стало дурно от этой мысли, я стану первой дамой Версаля?! Да, конечно, ведь королева Мария умерла, король вдовец, значит, первая дама – это жена дофина, то есть я!

Почувствовав, что я вдруг задрожала, одевавшие меня камеристки заторопились. Но дрожь не проходила, стало ясно, что это нервная дрожь.

Одна из приятных дам-камеристок погладила меня по руке:

– Вы очаровательны. У нас никогда не было такой красивой дофины.

Эта простая фраза меня успокоила, благодарно улыбнувшись своей спасительнице, я шагнула навстречу Штарембергу, который торжественно провел меня в большой зал посреди этого сооружения к графу де Ноай. И вот моя рука уже в руке французского графа... С графом мы обошли вокруг стола и... прощай, Австрия, я считалась переданной французской стороне.

Теперь меня передали в руки французских дам, которые будут моими наставницами (надеюсь, добрыми) в Версале. Графиня де Ноай, моя статс-дама, представила остальных присутствующих моих фрейлин:

– Герцогиня де Виллар... маркиза де Дюра... герцогиня де Пикиньи... графиня Таван... графиня де Майи...

Я очень постаралась, чтобы разочарование и даже легкий ужас не был замечен на лице. Все фрейлины годились мне в бабушки! Не спасало даже понимание, что у меня впервые личные фрейлины. К чему мне они, с ними и поговорить будет не о чем.

От слез из-за желания срочно вернуться домой в родной Хофбургский дворец удержало только понимание, что меня не поймет мама и что там нет Шарлотты. Сестра ведь тоже уехала, да еще и к очень некрасивому, даже уродливому, мужу. О моем будущем супруге такого никто не говорил, хотя и не удосужились рассказать, каков он. Я думала спросить у француженок, но у кого тут спросишь? Старые тетки вряд ли станут со мной разговаривать.

Я вдруг сообразила, что король тоже стар, ведь он дедушка моего жениха. А вдруг у них весь двор такой старый?! Нет, не должно быть, есть же и молодые. Может, старые только фрейлины? Их просто некуда девать, потому держат на таких вот должностях.

Пока я думала все эти глупости, церемония передачи окончательно подошла к концу, мы вышли из здания уже на французской стороне, сели в ту же роскошную карету (хоть что-то знакомое) и двинулись дальше. Родная Австрия осталась на том берегу, я уезжала, чтобы никогда больше ее не увидеть.

Путешествие слилось в единую цепь фейерверков, праздников и приветствий.

Но вот мы прибыли в Компьень, где должны встретиться с королем и дофином, чтобы потом отправиться в Версаль снова отдельно.

И вот... впереди толпа роскошно одетых мужчин и женщин. В Австрии никто так не одевается, если едет в карете. Теперь понятно, почему с утра графиня де Ноай настояла, чтобы я надела очень красивое платье, совсем не подходящее для поездки в карете, даже такой красивой, как у меня.

Впереди рослый красивый мужчина, по тому, что никто не пытался даже шаг сделать перед ним, понятно, что это король.

А дальше все в тумане, он что-то сказал, я что-то ответила. Ответ, видно, понравился, король доволен, он меня поцеловал в щеки и представил... это мой будущий муж? Да, наверное, но я плохо соображала. Полный. Довольно неуклюжий молодой человек, почти мальчик, смущенно что-то пробормотал, ткнулся в мою щеку своей щекой. Это можно считать знакомством.

Но меня уже окружили другие родственники, прежде всего тетушки дофина, дочери короля Людовика. Как же их запомнить, чтобы невзначай не перепутать? Запомнить оказалось легко, верховодила и была всегда на шаг впереди старшая Аделаида, Виктория – очень полная, и еще младшая, Софи.

Остальных я и запоминать не стала, все равно от волнения все на одно лицо, хотя и лица, и наряды разные, и последние исключительно роскошные. Матушка такие надевала только на бал. Или у них в Версале каждый день балы? Похоже на то.

Версаль и будущая жизнь мне начинали нравиться. Покосившись на дофина, я встретилась с ним взглядом, Людовик Август тоже разглядывал меня исподтишка. Нет, он, конечно, не красавец, но вполне терпим, во всяком случае, не урод, как у бедной Шарлотты. Пожалуй, с ним даже можно подружиться, если он не будет драться, как мой братец Фердинанд, или зазнаваться, как Иосиф. Рука у дофина мягкая и теплая, наверняка он добрый.

Перезнакомившись, разъехались. Я продолжила путешествие по Франции к Версалю. Это было единственное в моей жизни путешествие по стране, в которой я совсем скоро стану первой дамой... Франция – красивая страна, но меня больше всего занимал Версаль.

Версаль... Версаль! Боже, Версаль!

Я понимала, что Версаль, законодатель моды на все в Европе, должен быть великолепен, но то, что увидела, потрясло. Вот когда понадобились усилия, чтобы просто не разрыдаться. Горло перехватил спазм, а слышать я перестала и вовсе. Графиня де Ноай что-то торопливо говорила мне в ухо, я привычно, как при матушке, кивала головой, давая понять, что принимаю сказанное к сведению, но не понимала в нем ничего. Меня совершенно очаровал Версаль.

– А Его Величество здесь?

– Мадам, я только что вам об этом сказала, – старая графиня пока всего лишь удивлена.

– Бракосочетание состоится здесь?

– Да, мадам дофина, – губы уже поджаты.

– Не сердитесь, я просто проверяю, правильно ли вас поняла.

Еще хуже, теперь графиня обиделась сильнее:

– Я недостаточно понятно говорю?

– Вы говорите прекрасно, просто я так очарована и даже потрясена Версалем, что плохо понимаю. Вам придется извинить меня за такое восхищение дворцом французских королей.

Де Ноай чуть посопела, но обижаться перестала. Да и некогда.

Яркое майское утро способствовало усилению впечатления, солнце отражалось во многочисленных стеклах, сверкало на каплях воды, оставшихся на листьях растений после ночного дождя... Все сверкало, словно наполненное бриллиантами... Я прибыла в сверкающий мир драгоценностей, к самому богатому двору Европы, чтобы стать его первой дамой! Было от чего перехватить дыхание у четырнадцатилетней неизбалованной воспитанием строгой матери.

Покои, предназначенные для королевы Франции (О, Боже, это же обо мне!), еще не были готовы после обновления, и меня пока поселили на первом этаже.

– А разве не вместе с дофином?

Вопрос вызвал изумление:

– К чему, у Его Высочества собственные апартаменты, к тому же он занимается столярным делом, часто стучит молотками и шумит... Нет, нет, мадам, у вас свои, как и полагается королеве.

Но размышлять некогда. В моих комнатах меня уже ждали со свадебным платьем, мы выехали несколько позже, чем рассчитывали, и теперь предстояло поторопиться с подготовкой.

Увидев само платье, я чуть не завизжала от восторга, во всяком случае, легкий визг все же издала и слегка подпрыгнула на месте. Такой роскоши, такого очарования нельзя и придумать. Как же верно сделали, что все мое приданое, в том числе и платья, заказали здесь, в Париже! Ощущения можно выразить одним словом: Версаль!

Но надеть не успели, почти сразу за мной в комнату пришел король в сопровождении двух девочек, как потом оказалось девяти и шести лет, это были младшие сестры моего супруга.

Старшая, Клотильда, настолько полна, что казалась нехватным колобком. Младшая, Елизавета, еще не раздалась, но уже грозила повторить сестру. Однако от сестриц веяло такой добротой и обаянием, что я бросилась в их объятия:

– Я буду любить вас!

Король улыбался, ему явно понравились такая непосредственность и проявление дружбы. Мне это было совершенно нетрудно, я действительно дружелюбна и готова обожать всех, кто ко мне хорошо относится. Самого Людовика XV я уже обожала. Готова была всем сердцем полюбить и дофина Луи Августа, стоило ему всего лишь бросить на меня ласковый взгляд.

Удивительно, но как раз этого и не было. Я «само очарование», как шептались вокруг, совершенно не интересовала того, кто должен бы интересоваться больше других!

Едва успели меня одеть, как пришел дофин, чтобы проводить меня в церковь для венчания. Почему-то никак не удавалось поймать его взгляд. Чтобы нечаянно не встретиться глазами, Луи Август старательно не смотрел мне в лицо. Протянутая мне рука была теплой, мягкой, но совершенно равнодушной. Неожиданно мелькнула озорная мысль страстно сжать ее.

Не успела, открылись двери, и процессия тронулась по Зеркальной галерее к дворцовой церкви. За нами с Луи Августом следовало много блестяще одетого народа, но я мало что видела и понимала, главным было не упасть в обморок и не сделать что-нибудь неположенное.

Не упала и не сделала, не считая поставленной на брачном договоре кляксы. Я не привыкла подписываться полным именем, тем более дрожащими от напряжения руками, а потому едва поместила все на положенном месте: «Мария-Антуанетта Жозефа Жанна». Писала я, как всегда, страшно медленно и едва не высунула язык от старания. Вовремя опомнившись, вздрогнула и... на первую букву имени Жозефа села большая клякса! Видевшие это, ахнули, но главный «раздающий милостыню» Франции монсеньор де ля Рош-Эмон, проводивший церемонию, сделал вид, что ничего не произошло. Его ободряющий взгляд помог мне сохранить остатки самообладания.

Дофину было все равно. Реакцию короля я не видела, а думала в первую очередь о том, что сказала бы матушка, увидев кляксу, – мою главную беду при письме, помимо его медлительности. Даже на таком расстоянии я прежде всего чувствовала ответственность перед ней.

Хорошо, что у меня легкий характер и долго расстраиваться и размышлять из-за чего-то я просто не могла, иначе день был бы испорчен.

Сама церемония и все, что ей сопутствовало, было роскошным. Король Людовик постарался произвести впечатление на весь мир, в конце концов, не каждый день дофин сочетается браком с дочерью императора! Я услышала, как одна из принцесс сказала другой, что Луи повезло и он женился на дочери Цезарей. Сознать, что дочь Цезарей, ради которой закрутилось все даже в Версале, было приятно. Это ощущение совершенно изгладило в моей юной легкомысленной головке впечатление от кляксы. Может, дочери Цезарей и позволительно делать такое?

Оказалось, что даже дочери Цезаря многое непозволительно. Только все это нужно было толково разъяснить, я бы поняла и не наделала массы ошибок чисто из-за своего легкомыслия.

После церемонии мне представили мой штат, состоявший из ста шестидесяти восьми человек с возможностью расширения по мере необходимости.

Какое расширение?! Хотелось крикнуть: к чему мне целых два аптекаря и четыре хирурга?! Зачем отдельные поставщики вин и несколько поваров? Почему не те же, что и у дофина?

Нельзя, потому что я будущая королева Франции и у меня все должно быть свое.

У этого своего штата я три часа принимала присягу верности, пытаюсь запомнить, кто есть кто. Конечно, не удалось. Подумалось, что это не видит мой очень экономный и даже прижимистый брат Иосиф. Его хватил бы удар от одного списка моего штата. Воспоминание о брате вызвало усмешку, которую придворные приняли на свой счет и кое-кто даже обиделся. Но я была не в состоянии замечать и учитывать все, им следовало бы сделать скидку на четырнадцать лет и суматошность момента.

Потом был вечерний прием в Зеркальной галерее, когда мы с королем и моим супругом играли в каваноль – карточную игру, которую я успела освоить за время путешествия из Вены в Версаль. В карты я играла куда лучше, чем писала, и кляксы здесь не сажались, потому мое настроение постепенно снова стало прекрасным и неприятность с подпорченным брачным контрактом забылась. Как можно помнить о какой-то кляксе на бумаге, если вокруг меня одной (дофин как-то самоустранился) вертелся весь блестящий французский двор, весь Версаль!

Король был очень любезен, дамы улыбались почти заискивающе, а многие и весьма заискивающе, младшие братья дофина – Людовик Ксавье Станислав, граф Прованс и Карл, граф д'Артуа веселы, тетушки внимательны... Все вокруг меня, все для меня... Это был определенно мой день, и я впитывала всеобщее внимание каждой своей клеточкой, я вдыхала воздух великолепного Версаля, напоенный запахами пудры для париков и помады, запахами самого блестящего двора Европы, где мне теперь предстояло быть первой дамой.

Только один человек, казалось, был совершенно равнодушен к происходящему – мой супруг дофин Людовик Август!

Луи очень робок и медлителен, настолько, что я не представляла себе, как можно вообще заниматься с ним любовью. Никакого опыта в этом деле у меня не было, но я уже не была наивным ребенком, вместе с Шарлоттой полагавшим, что любовь между Изабеллой и Мими – это прогулки по парку с меланхолическими бреднями. Я прекрасно знала, что любовь бывает физической, и как все происходит тоже знала, довелось даже оказаться невольной свидетельницей таковой у слуг. Но представить, как это будет происходить у меня, не могла.

Позже я поняла, что матушка сделал главную ошибку, нужно было заботиться не о наставлениях мне по поводу государственных интересов Австрии, а научить, как стать настоящей любовницей своему супругу и как справиться с завистниками при дворе. Но матушка горячо любила папу, а он ее, потому проблем не возникло. А завистников у императрицы при дворе просто не могло быть, если таковые и появлялись, то долго в Шенбрунне не задерживались.

У меня положение совсем другое, Луи и я не только не любили друг друга, но и чуть тяготились необходимостью быть вместе. Неудивительно, двух детей заставили играть перед взрослыми спектакль, изображая при этом не пастушка и пастушку, а мужа и жену. А взрослые были весьма любопытны, вереница придворных выстроилась, чтобы посмотреть, как жених войдет в мою спальню, но главное, как скоро и с каким выражением лица он оттуда выйдет.

Меня проводили туда торжественно, так же торжественно переодели в роскошную сорочку и уложили на роскошную огромную кровать... У меня мелькнула мысль, что если мы с Луи совсем не понравимся друг дружке, то на такой кровати можно спать, и вовсе не соприкасаясь.

Пока меня переодевали, несколько пар любопытных глаз успели оценить фигуру, отметив все недостатки, но, кажется, он был один: пока еще слишком юна, не оформилась до конца. От такого вердикта, произнесенного шепотом и несколько раз другими устами повторенного, было одновременно и обидно, и радостно – оформлюсь. Зато дамы отметили мою великолепную осанку. Жаль, что этого не слышала мама, осанкой своей Антуан она всегда гордилась.

Но вот в спальне осталась только графиня де Ноай (кому, как не ей, моей главной наставнице во Франции, быть со мной до последнего). А еще... Его Величество. Конечно, король не видел моей осанки и худеньких плеч, он вошел, когда я уже лежала в постели, и, кажется, собирался оставаться на ночь?! Я не знала, как мне попросить его удалиться. Я не смогу даже позволить Луи стянуть

с себя одеяло, если только кто-то, тем более король, будет присутствовать рядом!

Я осторожно сделала знак графине, чтобы та приблизилась, и зашептала:

– Его Величество останется в спальне?!

Ответить графиня не успела, появился Луи, но совсем не с той стороны, где его ждали любопытные до неприличия придворные. Он тоже был в рубашке, также врученной ему королем. Наша постель уже была освящена архиепископом Реймским, оставалось только выполнить положенное...

То ли пожалев нас, то ли просто понимая, что в его присутствии ничего не произойдет вообще, Его Величество сделал знак следовать за ним и удалился.

Я замерла, не в силах не то что пошевелиться, но и вздохнуть поглубже. На другом конце кровати сидел мой супруг, с которым мы едва знакомы, такой же юный, как я сама, такой же дрожащий и нерешительный. Я знала, что не должна противиться, что бы он со мной ни делал, напротив, помогать ему, а вот как – подскажет мое собственное тело. Давать слишком подробные инструкции матушка не сочла нужным. «Доверьтесь своим чувствам, моя дорогая». Я прислушалась к себе, никаких чувств, кроме ожидания неведомого и откровенного страха, не было. Не прислушиваться же к нему, иначе нужно было бы стремглав бежать из этой роскошной золоченой постели, этого роскошного дворца, не останавливаясь до самой Вены, и, рыдая, зарыться в матушкину грудь. Нет, это чувство для подсказки действий совсем не подходило.

Луи, видно, тоже к чему-то прислушивался. Он лег, но ко мне не прикасался. Я вдруг подумала, что должна как-то ласкать мужа, но как?! Вот об этом никто не рассказывал. Лихорадочно попыталась вспомнить некоторые картины, которые удалось увидеть здесь, в Версале (дома матушка таких не одобряла, в Вене было все прилично), но на ум ничего не приходило. «Доверьтесь своему телу»... Прекрасный совет! Может, дофин просто ждет от меня знака, что я не против? Конечно, как же я сразу не сообразила?! Ведь я ему совсем чужая, а он должен мной овладеть. Надо дать мужу знак, что я готова принять его насилие, если это необходимо для рождения детей.

Я тихонько повернулась к дофину и осторожно протянула в его сторону дрожащую руку. Хорошо, что не успела коснуться, потому что... муж уже лежал на боку ко мне спиной, сладко посапывая!

Я обомлела. Вот тебе и первая брачная ночь! Захлестнула какая-то сложная смесь чувств, в этой смеси было все – от обиды до облегчения. Но, вспомнив наставления матушки, быстро взяла себя в руки. Нельзя давать волю обиде. Если рассудить, что страшного произошло? Дофин устал после трудного дня, множества переживаний, разморен сытным и вкусным ужином, потому и заснул.

Но против моей воли обида все же накатила. Ведь я же тоже устала, замучена еще больше него, столько дней находилась в поездке. Неужели я ему так не нравлюсь, что противно даже прикоснуться? Что я завтра скажу множеству любопытных? Муж не стал даже смотреть на меня?

От обиды перехватило горло, на глазах выступили слезы. Некоторое время я лежала, пытаюсь справиться с собой.

Рядом сладко посапывал супруг. Нет, он вовсе не плохой, он добрый, а то, что такой нерешительный, так это пройдет. Вдруг меня пронзило понимание, что ему еще хуже, чем мне! Он слишком нерешителен, чтобы овладеть мной в первую же ночь, но если я могу лишь скромно потупить глазки, то дофину придется отвечать на множество любопытных взглядов. Он не смог... не стал... заснул... не оправдал надежд, опозорил Францию...

Это потом, когда все случится, отвечать буду я: смогла ли родить наследника, да не одного, не потеряла ли при этом привлекательность и любовь мужа...

Мне стало даже жалко Луи. Тетка Аделаида звала его Несчастный Бэри. Луи действительно похож на медвежонка, но тетки же не вспоминают о том, что и сами не отличаются изяществом. Я защищу от их насмешек мужа! Он поймет, что я друг и меня не стоит бояться. Мы действительно подружимся, и тогда он полюбит меня...

В голове почти ребенка рождались проекты один нелепей другого – удалиться с дофином от двора и жить в замке в окружении только самых близких людей и слуг, там Луи будет заниматься тем, что ему нравится, а я растить детей. И вот когда наши мальчики (а их будет много-много) подрастут, случайно мимо будет

проезжать их прадед, король Людовик, в сопровождении противных тетушек и придворных. Король спросит, что это за чудесный замок? Ему ответят. Он войдет и увидит очаровательных малышей. Спросит, чьи это дети? Ему снова ответят. И тогда все поймут, как недооценивали Луи и меня. Но мы, как две добрые души, не станем им пенять, дадим себя уговорить уехать в Версаль, и весь двор будет плакать от чувств и хвалить юных дофина и дофину.

Мне так понравились эти мечты, что я забыла, с чего вообще все началось. Хотелось спросить у Луи, когда едем, но он спал. Немного придя в себя, чуть не рассмеялась: рядом в первую брачную ночь спал муж, даже не повернувшийся ко мне лицом, а я мечтала о множестве малышей, очень на него похожих. Но настроение все равно осталось хорошим.

А в окна уже заглядывали первые рассветные лучи. У меня слипались глаза, но на губах застыла блаженная улыбка, малыши в моих мечтах были просто очаровательными. Ничего... Луи поймет, что я ему не враг... Луи полюбит меня...

Но ничего не произошло и в следующую ночь, и еще несколько. Мы продолжали спать на разных краях огромной кровати, не прикасаясь друг к другу.

Возможно, все изменилось бы само собой, но уж слишком много вокруг оказалось любопытных глаз, далеко не всегда сочувствующих, чаще почти злорадных. Изо дня в день каждое утро звучал один вопрос:

– Ничего?

И множество уст отвечало:

– Ничего.

Находиться под вот таким присмотром было невыносимо.

И все же Луи сделал попытку овладеть мной. Я ничего не поняла, меня наставляли, что боль должна испытывать девушка, становящаяся женщиной, но отнюдь не юноша или мужчина. Здесь же все наоборот, я не чувствовала ничего, зато Луи явно мучился от какой-то боли.

– Бэри, я причинила вам боль?

Каково было спросить это? Шепотом, почти со всхлипом, с ужасом понимая, что со мной что-то не так, потому что мужчине со мной больно. И вдруг ответ:

– Причина не в вас, а во мне!

В следующие ночи я супруга в спальне не видела.

Кому можно рассказать о таком, не королю же! И не графине де Ноай, старой и строгой. И не тетушкам, которые начнут смеяться над юными супругами.

Да уж, моя семейная жизнь в Версале не задалась с самого начала...

Днем веселье, множество самых разных публичных дел, а по ночам тоска и страх, что если ничего не изменится, то меня просто вернут Австрии как не сумевшую выполнить задачу, а задача – рождение наследников.

Но и днем не всегда бывало весело и даже спокойно.

Его Величество, выйдя из покоев юной дофины, направился поскорее к своей любовнице, мадам Дюбарри. Видно, мысли о прелестях брачной ночи так распалили короля, что ему самому срочно требовалось женское внимание.

Графиня Дюбарри всегда умела понимать своего венценосного покровителя, она не стала ломаться, сначала удовлетворила королевский пыл и лишь потом принялась расспрашивать, что же произошло в спальне новобрачных.

Людовик вздохнул:

– Боюсь, ничего.

– Как это? Малышка показалась мне вполне очаровательной.

– Мне тоже, но не Бедному Бэри. Мой внук не взглянул на свою супругу, кажется, ни разу, а уж дожидаться от него слова... Боюсь, малышка не скоро услышит голос собственного мужа.

– А в этом виноваты вы, сир!

– Я?! – изумился Людовик.

– Вы, вы! До того как отправлять Бедного Бэри, такого медлительного и нелюдимого, в постель к неопытной девочке, нужно было обучить его кое-чему.

– Не вы ли собирались учить, мадам?

– Нет, не я, без меня найдутся. Мужчина, ложащийся на супружеское ложе, должен быть опытен.

Людовик подумал, что Дюбарри, как всегда, права. Он вспомнил себя за ловлей мух с подружкой и усмехнулся:

– Может, у Бэри что-то получится и так?

– Да он и пробовать не станет, лентяй этакий! Ах, сир, хватит о проблемах внука, подите ко мне, я вам создам другие проблемы...

Дофина

Выйдя замуж за Луи, я неожиданно для себя из младшей дочери Марии-Терезии, которую все воспринимали ребенком, вдруг превратилась в первую даму Франции! Король – вдовец, мать Луи – дофина Мария-Жозефина умерла, и первой дамой невольно становилась супруга дофина, то есть я. Быть младшей, последней, той, до которой просто руки не доходят, и вдруг оказаться первой, да еще и во Франции – это столь крутой поворот в жизни, что дух захватывало. К счастью (или несчастью?), я была жизнерадостной девочкой, не задумывавшейся над сложными вопросами и неспособной вообще долго на чем-то удерживать свое внимание.

Я испытывала шок за шоком. Привыкшая, что матушка с отцом никогда не выставляли свою и нашу личную жизнь напоказ, в Версале встретила с полной противоположностью.

В Вене жизнь четко делилась на публичную и личную. Для публики были появления на балконе во время праздников, приемы, поездки, шествия, гуляния... даже для двора Шенбруннский замок, а для нас – закрытые от посторонних глаз внутренние комнаты и Лаксенбург, куда двор просто не помещался, а потому не присутствовал. Матушка говорила, что ей вполне хватает за столом собственной большой семьи, чтобы была необходимость в присутствии десятков гостей за обедом ежедневно. Мы с Шарлоттой за столом на приемах бывали в исключительных случаях, но знали, что это так.

А уж пустить толпу придворных в свою спальню... о таком не могло быть и речи! Даже при рождении детей матушка держала любопытных не в соседней комнате, а гораздо дальше.

Став дофиной, я окунулась совсем в другую жизнь.

В Версале публичность понималась буквально, жизнь королевской пары, а затем и дофинов была не просто регламентирована, она была прозрачна! День состоял из одних церемоний, проходивших на виду у множества любопытных. Когда утром ко мне в спальню вдруг заявила целая толпа придворных, я решила, что что-то случилось. Но, пожелав доброго утра, никто беспокойства не проявлял и уходить не собирался. Я лежала, до самого кончика носа укрывшись одеялом и ожидая, когда наконец придворные удалятся и можно будет вылезти, чтобы одеться.

Но графиня де Ноай, моя статс-дама, вдруг начала представлять мне дам, указывая их должности при совершении мной утреннего туалета и ритуальном вечернем раздевании. Стало даже дурно: я обязана одеваться и раздеваться не при помощи пары камеристок, а в присутствии десятка пар любопытных глаз? Подавать дневную рубашку будет одна, а принимать снятую другая? Зачем?! Я не могу просто бросить снятую на кровать, чтобы служанки потом убрали? Ответ: нельзя. Почему? Дама выполняет обязанности, которые щедро оплачиваются, и очень гордится своей должностью. Так не лучше ли сэкономить на такой должности?

В ответ смех графини де Ноай:

– Мадам, не вздумайте заняться переделками, вас просто не поймут. Подчинитесь правилам этикета.

Возмущаться дуростью такого этикета нельзя, действительно не поймут, пришлось подчиняться.

Я быстро выучила большую часть правил этикета, но если чего и не знала, то на помощь всегда приходила графиня де Ноай, я прозвала ее мадам Этикет. Любившая меня графиня не обижалась.

Утром торжественный туалет, даже ночной горшок выносился определенной дамой, вечером все в обратном порядке... Смешно потом встречать такую даму на приеме и понимать, что раскланиваешься с той, которая утром уносила твои ночные испражнения. В Вене у нас мадам Лерфенхельд, до того как заняться нами с Шарлоттой, отвечала за весь гардероб старших эрцгерцогинь, здесь, кажется, за каждое платье отвечала своя дама, а за перчатки – иная. Я представляла себе возможный ужас своего экономного и даже прижимистого брата Иосифа, дотошно подсчитывающего расходы на все подряд. Его хватил бы удар от такого расточительства. Сколь же должна быть богата Франция, если может себе позволить даже для дофины держать десятки человек непонятно зачем, щедро кормя и оплачивая ненужные услуги? Много позже я осознала, что это была жизнь взаимы, два предыдущих королевских двора тратили, а рассчитываться пришлось нам с Луи, но тогда такие вопросы меня вовсе не беспокоили. Мне было четырнадцать и куда важнее казалось собственное удобство или неудобство от правил этикета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/natalya-pavlisheva/mariya-antuanetta-nezhnaya-zhestokost-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)